

Светлана Анатольевна Макаренко-Астрикова

Золотая нить времен

Новеллы и эссе. Люди, портреты, судьбы.

Светлана Макаренко-Астрикова

**Золотая нить времен. Новеллы
и эссе. Люди, портреты, судьбы.**

«Издательские решения»

Макаренко-Астрикова С. А.

Золотая нить времен. Новеллы и эссе. Люди, портреты, судьбы. /
С. А. Макаренко-Астрикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832210-5

Книга новелл и эссе, написанных в увлекательной, живой форме, рассказывает о людях, музах, творениях. Словно из золотой паутины времени проступают для читателя их портреты и черты... Линии судеб. Книга дополнена уникальными фотографиями и репродукциями из личного архива автора и, несомненно, будет интересна читателям...

ISBN 978-5-44-832210-5

© Макаренко-Астрикова С. А.

© Издательские решения

Содержание

Маленькое предисловие автора	6
Новеллы из цикла: «Пушкинское время и Лица»	8
Леония – Шарлотта Геккерн Д` Антес. «Я награжу Вас горькою любовью..»	8
Николай Александрович Корсаков: «Крохи жития любимца Аполлона»	19
Вильгельм Карлович Кюхельбекер. «Мой брат родной, по Музе, по судьбам»...	29
Новеллы из цикла «Царский альбом»	35
Александра Николаевна Романова. «Соловей гатчинских рощ»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Золотая нить времен
Новеллы и эссе. Люди, портреты, судьбы.
Светлана Анатольевна
Макаренко-Астрикова

*В этой книге полностью сохранены авторский стиль, орфография и пунктуация. Автор несет полную ответственность за все иллюстрации и фото из личной коллекции, представленные в книге. Источники иллюстраций и фото – тщательно указаны.
Светлана Макаренко – Астрикова.*

© Светлана Анатольевна Макаренко-Астрикова, 2016

ISBN 978-5-4483-2210-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькое предисловие автора

Автопортрет. Фото с помощью сервера «Пикаччу. Ру.» Личная коллекция. 2015 год.

То, что автор предлагает на суд издателей и возможного широкого круга читателей – книга **«Золотая нить времен»** – состоит из трех тематических частей:

Первая имеет название – «Пушкинское время и лица».

В ней представлены четыре образа, так или иначе соприкасающиеся с пушкинской эпохой, временем, бытием и образом Поэта. Наибольший интерес из представленных новелл этого обширного цикла представляют, на взгляд автора, две новеллы: О Леонии – Шарлотте Геккерн Д. Антес, младшей дочери барона Жоржа Д* Антеса и новелла о дипломате, музыканте, лицейском друге А. С. Пушкина – Н. А. Корсакове. Новеллы представляют собою редкий подбор строго исторического материала в живом и ярком обрамлении творческого воображения автора.

Вторую часть книги – она называется **«Царский альбом»** – составляют очерки об особах царствующего Дома Романовых. Наибольший интерес среди них представляют, опять таки, по мнению автора, две новеллы: о Цесаревне Анне Петровне, герцогине Гольштейн – Готторпской, рано умершей дочери Петра Великого, и новелла – биография «Соловей гатчинских рощ» – о Великой Княгине и Герцогине Гессен – Кассельской Александре Николаевне, замечательной, одухотворенной натуре, кроме парфирородной фамилии, осененной еще великолепным талантом, артистически – виртуозным даром пения. Некоторые новеллы из названного цикла «Царский альбом» были ранее опубликованы в зарубежной периодической и веб –

печати (США, Германия, Франция) и пользовались неизменно пристальным вниманием читателей.

Третья часть книги, – имеющая характерный поэтический заголовок

«О, Женщина, твой дивен лик и нрав!» представляет собою ряд историко – новеллистических портретов биографий нескольких замечательнейших Женщин разных эпох и столетий. Как в зеркале отражаются на страницах истории их лица, привычки, нравы, их любовь, страсть, их увлечения, странности, их восприятие Жизни, Красоты, всего окружающего Мира. Загадочны и одинаково притягательны портреты и судьбы английской писательницы, «одинокое эльфа Альбиона», Шарлотты Бронте, обретшей в конце короткой своей жизни всемирную славу, но так и не нашедшей утешения своему разбитому сердцу; и легендарной гадалки и прорицательницы Марии Ленорман, предсказавшей жизненный Путь не только Великим мира сего, но и даже самой себе; Каролины Лэм, возлюбленной лорда Байрона, покинутой им до срока и любимой другим человеком, которого она привыкла видеть рядом и не замечать; княжны – сироты Стефании Радзивилл, пленительной и остроумной современницы А. С. Пушкина, чья жизнь оборвалась так безвременно, что походила на угасшую свечу, и княгини Каролины Витгенштейн, возлюбленной Листа, чья судьба тесно переплелась с музыкальными аккордами рапсодий и сонат Великого Маэстро. Автор будет рад, если образы представленные в книге чем то тронут сердце читателя, создавая магией строк, ту легкость и пленительность загадки, которая извечно присуща Женщинам, во все века и времена...

В заключении хочется лишь добавить, что написанные живым, легким языком, в свободной форме новелл, с привлечением большого количества исторических документов, писем и свидетельств современников, произведения, представленные в сборнике лирических новелл – биографий вызвали и вызывают по сей день неизменный интерес у всех их читавших, в газетном ли, рукописном или – электронном варианте. Три части книги неразрывно связаны воедино как бы сквозною, непрерывающейся нитью Вечного, Прекрасного, Трагического, но неизменно светлого Бытия, того, что называется Жизнью Человеческой. Потому – то книга и имеет такое название **«Золотая нить времен»**.

Надеюсь, что она встретит благосклонное внимание заинтересованного читателя..

Искренне Ваша – Светлана Макаренко – Астрикова.

Новеллы из цикла: «Пушкинское время и Лица»

**Леония – Шарлотта Геккерн Д` Антес.
«Я награжу Вас горькою любовью..»**

4 апреля 1840 года Сульц, Франция. -? 1888 года. Париж.

Акварель неизвестного художника. Дети Дантеса. Леония – слева. Личная коллекция автора. Источник: В. Вересаев. «Спутники Пушкина». М. Изд – во «Захаров» М. 2007 год

1.

...Ее жизнь так странна, и о ней сохранилось так мало свидетельств, что я долго думала стоит ли писать о ее Судьбе вообще, стоит ли дотрагиваться до пелены, которая столь надежна скрыла ее Бытие от суетного и горделивого мира, что не осталось даже ее изображения. Ни

одного портрета, ни одной миниатюры, ни профиля, ни акварели, ни даже и карандашного наброска за все сорок восемь лет ее странного и страннического, горького и пленительного в своей неизбывной Тайне путешествия – жития по этой Земле!

Но кому, скажете Вы, кому есть дело до дочери того, чье имя в России почти что проклято – и видимым и невидимым проклятием, анафемою сознания и подсознания, корней и крови, души и памяти, сердца и чувства??!

Чье имя, произносится на русской земле уже почти двести лет с тщательно нескрываемым оттенком презрения. Дочерью барона Жоржа Геккерна Д`Антеса... Зачем же нам изучать тщательно ее биографию, читать старые письма, перелистывать альбомы и книги в поисках портрета? Зачем? Ведь не только лишь для того, чтобы убедиться, что кара Небес настигла – таки «котильонного принца», «смешливого цареубийцу», шуана Жоржа – Шарля Д`Антеса, сенатора Второй Империи, мэра города Сульц, что близ виноградной долины Амбюза? Настигла, вдали от петербургских дворцовых зал и казарменной муштры, вдали роскошных покоев венских дипломатических резиденций, вдали от взглядов и насмешливых улыбок того самого светского бомонда, который он ненавидел до глубины души, и которым был пылко презираем взаимно.. Настигла и захватила полностью в свои удушающие объятия ни где – нибудь, а в его собственном доме, а точнее, в – древнем замке Д`Антесов, родовом, фамильном гнезде под розовато – фиолетовой черепицей, с островерхими башенками, витыми перилами лестниц, изразцовыми печами, каминами и гостиными, увешанными фамильными портретами и картинами в позолоченном багете.. Лишь в одной комнате дома не было ни родовых портретов, ни картин, ни хрупких девичьих безделушек.

Там стояли рядами на полках книги с непонятною, славянскою вязью букв и повсюду висели портреты мужчины с высоким лбом, темными завитками на висках и резко очерченными африканскими губами. Перед самым большим из них, как перед алтарною иконою, горела лампада. Леония – Шарлотта Д`Антес, третья и младшая дочь барона Жоржа Д`Антеса де Геккерна, истинного католика и христианина, отказывалась молиться Кресту Господню. Но и русской веры матери, «баронессы Катрин» – тоже не приняла. Все свои чаяния, желания и надежды, она слагала к портрету далекого дядюшки с певуче – победным греческим именем «Александр» и совсем уж непроизносимым отчеством: «Сергеевич».

Дядюшки, которого далеким петербургским, «черным» январем 1837 года, убил на дуэли ее отец.. Русский язык она знала в совершенстве. Стихи и проза Александра Пушкина стали для мадемуазель Д`Антес «второй Библией», а сам он – почти что – Богом. Почти..

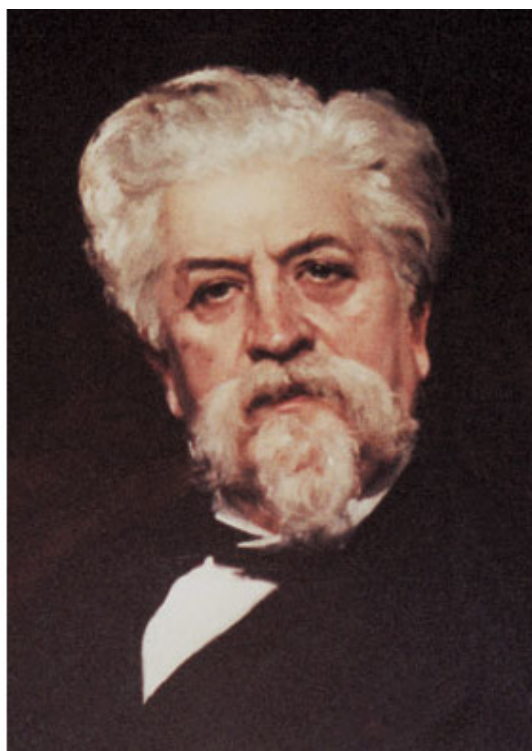
Екатерина Николаевна Гончарова Д. Антес в ложе театра. Неизвестный художник. Фото из личной коллекции автора. Источник иллюстрации: В. М. Фридкин «Загадка дневника Пушкина». Из во «Захаров» М. 2007 год. Стр.122.

2.

Маленькая баронесса Шарлотта – Леония Д'Антес де Геккерн родилась 4 апреля 1840 года (новый стиль), в Сульце, близ Кольмара, в родовом имении Д'Антесов. По свидетельству историка – любителя, биографа семьи, внука «баронессы Катрин», Луи Метмана: «дом с высокой крышей, по местному обычаю, увенчанный гнездом аиста, просторные комнаты, меблированные без лишней роскоши, лестница из вогезского розового камня – все носило характер эльзасского дома состоятельного класса.. Скорее господский дом, нежели деревенский замок, он соединялся с просторным двором, превращенным впоследствии в сад, и с фермой..

Боковой флигель, построенный еще в восемнадцатом веке, был сразу же, по приезде, отведен молодой чете. Она могла жить в нем совершенно отдельно, в стороне от политических споров и местных ссор¹ которые временами занимали, не задевая, впрочем, глубоко, маленький, провинциальный мирок, ютившийся вокруг почтенного главы семейства..»

«Малютка Леони» была более чем прохладно встречена матерью, страстно желавшей угождать обожаемому супругу и ожидавшей только сына – наследника. Менее, чем через месяц после рождения младенца, баронесса уехала вместе с прислугой и детьми поправлять здоровье в «замок – дворец Шиммель» на вершине горы. Чем было вызвано такое заточение? Только ли необходимостью горного воздуха и деревенской тишины расшатанному частыми родами здоровьем Екатерины Николаевны? Вряд ли.. Барон Жорж, женившийся от отчаяния на нелюбимой женщине, не красавице, не первой молодости, опутавшей его, как сетями, проявлениями своего пылко – слепого обожания, вероятно страстно желал освободиться от удушающего плена любви супруги хотя бы на время, хотя бы и – призрачно! Еще не оправившаяся от родов, Екатерина Николаевна была сослана его «мстительною заботливостью» в такое место, откуда не могла даже как следует писать родным. Госпожа Анастасия де Сиркур, урожденная Хлюстина, соотечественница Екатерины Николаевны, жена французского писателя и публициста, графа де Сиркура, живущая в Париже и изъявившая желание стать крестной матерью Леони, была вынуждена дать согласие крестить ее заочно: баронесса не могла принять единственную подругу в высокогорном родовом шатле: барону Жоржу это бы очень не понравилось.....

Барон Жорж – Шарль Геккерн Д. Антес в бытность сенатором. Источник портрета Вересаев Спутники Пушкина» М. Изд – во «Захаров» Указ. Издание. Стр. 126.

3.

Как он сам отнесся к появлению на свет третьей его дочери нам доподлинно неизвестно. На людях – предупредительный, сверх – галантный и любезный, наедине он мог постоянно, изо

¹ читается между строк другое: «в стороне от семьи, которая не слишком любезно приняла невестку – чужестранку, почти погубившую карьеру сына, да и от общества»! – автор.,

дня в день, мелочно третировать супругу и ядовито насмехаться над ее привычками, симпатиями, над ее тщетным ожиданием писем из России, и даже над ее, как ему казалось, «неловкою способностью производить на свет лишь барышень, плодя нищету». Обо всем этом между строк можно прочесть в тех немногочисленных письмах баронессы, отправленных родным, которые она писала при закрытых дверях, всячески скрываясь от мужа и с нервной деликатностью именуя его «навязчивым посетителем».

Те же письма, которые она не прятала, мужем – педантично прочитывались, и потому, – буквально светились показным счастьем избалованной всеобщим вниманием, довольной и замужеством и детьми, Женщины.

Нечаянная «коллекция барышень Д'Антес», от которой бывший петербургский кавалергард всячески отворачивал свое отеческое, капризное лицо и кривил губы, впрочем, была очень мила всякому глазу, ибо, уже в детстве, все три девочки знатной фамилии Эльзаса отличались «неподдельным очарованием женщин рода Гончаровых»² Это все же как то смягчало вечное недовольство желчного и скупого барона и его родного отца, Жозефа – Луи Д'Антеса, ведь и нежеланных дочерей и внучек все – таки можно было выгодно выдать замуж...

4.

Как они росли, девочки Д'Антес: Матильда, Берта – Жозефина и Леония – Шарлотта? Об этом тоже – мало известно. Вот лишь несколько строк из письма «баронессы Катрин» родным, в Полотняный завод. Строк, скупко рисующих картину их раннего детства: «Мои дети так же красивы, как и милы, и особенно, что в них замечательно, это – здоровье: никогда никаких болезней, зубки у них прорезались без малейших страданий, и если бы ты увидел моих маленьких эльзасок, ты бы сказал, что трудно предположить, чтобы из них когда-нибудь вышли худенькие, хрупкие женщины... В любую погоду, зимой и летом, он гуляют; дома всегда ходят в открытых платьях с голыми ручками и ножками, никаких чулок, только очень короткие носочки и туфельки, вот их костюм в любое время года. Все при виде их удивляются и ими восхищаются. У них аппетит, как у маленьких волчат, они едят все, что им нравится, кроме сладостей и варенья.»

В строках отчетливо видна материнская гордость детьми, украшенная строгой заботливостью о здоровье и нраве.. Екатерина Николаевна тщательно занималась своими малышками: постоянное ее уединение тому много способствовало. Матильда и Берта рано начали говорить и отличались, наряду со смышленностью, необычайно кротким характером: они слушались взрослых, по выражению Екатерины Николаевны, «с первого взгляда». Впрочем, послушанию такому немало способствовала и весьма напряженная атмосфера в семье: отец был вечно раздражен и недоволен, целыми неделями пропадал на охоте или на ферме, которую они вместе с приемным отцом (или – любовником?), бароном Луи де Геккерном, приобрели в 1839 году. Она располагалась в нескольких лье от замка. Что происходило на ферме, каковы были там порядки, какие велись разговоры и споры, баронесса не знала, ибо ни разу не была допущена на ее порог. Барон и его приемный «сын – отрада» Жорж Д'Антес часто охотились вдвоем.

5.

...И однажды, именно на такой «уединенной» охоте произошло некое загадочное событие, о котором Екатерина Николаевна с содроганием сердца рассказывала в письме к брату, Дмитрию Николаевичу:

«28 января 1841 года. Сульц.

В то время, как я писала тебе в письме о всяких пустяках, мой дорогой друг, я и не подозревала, какое ужасное несчастье могло со мною случиться: мой муж чуть не был убит на охоте лесником, ружье которого выстрелило

² Строка из подлинного письма Е. Н. Д'Антес де Геккерн – брату – Д. Н. Гончарову в Полотняный завод – автор.

в четырех шагах от него, пуля попала ему в левую руку и раздробила всю кость. Он ужасно страдал, и страдает еще и сейчас; слава Богу, рана его, хотя и очень болезненная, не внушает опасения в отношении последствий; врач говорит, что это – месяцев на шесть.. Это ужасно, когда подумаю, что я могла бы потерять моего бедного мужа, я не знаю, как благодарить небо, что оно только этим ограничило страшное испытание, что оно мне посылает!» Небольшой листок, написанный наспех, с неразборчивым бисером букв, таит в себе много недосказанного, много тайн и недомолвок.

Были ли обстоятельства столь загадочного ранения Д. Антеса в действительности такими, какими он описал их жене? Что он мог скрыть? Кто знает? Уже в следующем письме, Екатерина Николаевна, благодаря брата за обещание выслать ей 5000 рублей, проговаривается: «Длительная болезнь моего мужа, как ты хорошо понимаешь, стоила очень дорого... Оплатить три счета от врачей, которые были при нем днем и ночью, это не безделица, а теперь еще и курс лечения на водах, если бы ты не придешь нам на помощь мы были бы в очень затруднительном положении..*Фраза построена так, что предполагает несколько прочтений: либо Екатерина Николаевна начинала забывать родной ей язык, что не мудрено в чисто французском окружении глухой провинции, где она жила; либо перевод письма не совсем точен; либо Екатерина Николаевна хотела «отрезать» брату «все пути» возможного отказа выслать настойчиво просимую ею в предыдущих письмах сумму? – автор.. Видимо, рана Д` Антеса была все же намного серьезнее, чем Екатерина Николаевна ее описала в том своем первом, испуганном письме.

Все цитируемое нами послание баронессы Геккерн наполнено, кроме страха, еще и скрытою, завуалированной тоскою по родным, отчаянием глубокого внутреннего одиночества:

«Иногда я переносусь мысленно к Вам и мне совсем нетрудно представить, как Вы проводите время, я думаю, в Заводе изменились только его обитатели.. Напиши мне обо всем, об изменениях, что ты делаешь в своих владениях, потому что, уверяю тебя, дорогой друг, все это меня очень интересует, может быть, больше, чем ты думаешь, я по прежнему очень люблю Завод, ведь я к нему привыкла с раннего детства...»

6.

Иногда, запершись у себя в комнате и посадив на колени детей, Екатерина Николаевна со слезами на глазах показывала им миниатюру в овальной рамке: лицо молодого человека необычайной красоты, с тонкими, одухотворенными чертами и глубокими печальными глазами – это был портрет ее отца, Николая Афанасьевича, которому она не писала: из – за боязни возможных (и неизбежных!) нравственных укоров – он был очень религиозным человеком.. Портрет батюшки сестре прислал все тот же обязательный глава гончаровского майората Дмитрий Николаевич Гончаров, вынужденный по долгу своего старшинства и семейных дел, расчетов и обстоятельств переписываться с баронессою – изгнанницей, хоть и скрепя сердце.. Рассказывала опечаленная баронесса малюткам – дочерям и об «апата Натали», некогда – удивительной красавице александровской эпохи, фрейлине императрицы Елизаветы Алексеевны; теперь – поблекшей, погрузневшей, ходившей с ореховой палкой, но сохранившей властность манер и гордую негибкость осанки. Показывала ее портрет – копию, в палево синем тоне, нарисованную самою Наталией Ивановной еще в далекой юности. Дети, восхищенные красотой старинных изящных миниатюр, нередко просили разрешения поцеловать их. Екатерина Николаевна охотно позволяла это. И писала со щемящей гордостью брату, что несказанно рада тому, что сумела внушить детям любовь к далеким родным. Вероятно, она очень много рассказывала любознательным Матильде и Берте о России, о далекой Калуге, роскошном некогда имении Гончаровых в Яропольце и о пришедшем теперь в упадок дворце «прадедушки Дорошенки» (А. Пушкин), в котором было более сорока комнат, огромные коллекции

картин, фарфора и старинной мебели со старинною библиотекою. Часто она перелистывала свои рукописные альбомы со стихами Жуковского, Козлова, Грибоедова, Вяземского и Пушкина, и тогда ее голос становился еще тише и еще печальнее, а дети, зачарованные странно непонятными, певучими словами на незнакомом им языке, засыпали у нее на коленях. Она никогда не учила их русскому. Не смела.. Не могла.. Не хотела? Просто – не успела?

7.

..Ни грациозная «гримасница и умница» Матильда, ни красавица Берта – Жозефина, позже так и не могли понять, как же самой маленькой из их «неразлучной троицы» сестрицы, Леонии – Шарлоте, которой, в момент смерти матери, было лишь три неполных года, удалось впитать в себя жажду познания незнакомое языка, на котором их мать почти не говорила?! Причем, впитать так, что Леони смогла овладеть им в полном совершенстве, свободно писала и пыталась говорить! Екатерина Николаевна, при всем желании, не смогла бы внушить крошке нарочно такую пламенную страсть ко всему русскому и к поэзии убитого ее мужем зятя! И не только по причинам нравственным и психологическим. Еще и просто потому, что в последние годы жизни ей было, увы, не до малышки!

Родив в 1842 году (в конце января – начале февраля) четвертого, мертвого ребенка, мальчика, которого столь жаждал ее строгий и желчный красавец – муж, Екатерина Николаевна долго и отчаянно болела, страдая не столько от физических недугов, сколько от упреков супруга и безысходной тоски. Она совершенно отчаялась вызвать в его душе какое либо ответное к ней чувство, и горькая безнадежность жизни, не согревающей его сердце, окончательно подорвала ее хрупкие силы. Несколько утешило Екатерину Николаевну только нечаянное свидание с братом, Иваном Николаевичем, в Баден – Бадене. Барон Жорж привез туда больную супругу по ее настоянию, как только она узнала из писем родных, что Иван Николаевич и его жена, Мария Ивановна, держат на знаменитых аристократических водах курс лечения. Прихватил Д`Антес с собою и двух очаровательных дочек, он знал, что все Гончаровы обожают детей, и ему можно было бес проигрыша поставить на эту карту, чтобы создать у не принявшего его душою далекого русского семейства иллюзию полного процветания фамилии Геккерн – ДАнтес. Ему это удалось вполне. Иван Николаевич Гончаров писал из Бадена брату Дмитрию:

«Катя беспрестанно говорит о своем счастье.. Я это вполне понимаю после того, как увидел, как я тебе сказал, что она счастлива с мужем и своей маленькой семьей. Ее малышки очаровательны, особенно Берта, это просто – маленькое совершенство».. Внешне все идеально, баронесса счастлива, и она и дети обожаемы отцом и супругом, разделившим с женою по словам И. Н. Гончарова, «почти пять лет совершенной ссылки, ибо Сульц и Баден стоят друг друга в отношении скуки..» Но разве истинное счастье нуждается в том, чтобы о нем «говорили беспрестанно»? Счастья не было, его заменяла лишь неустанная о нем греза..

8.

Но и от грез тоже – устают. Устав ждать любви супруга, баронесса истово бросилась в иную крайность: во что бы то ни стало увидеть себя матерью маленького барона. Отчаянно предавшись мечте о сыне – наследнике, баронесса Катрин, едва поправившись, забеременела вновь, и, по свидетельству семейного историка Луи Метмана, «босая, с непокрытою головою в любую погоду ежедневно ходила молиться в часовню Сульца за несколько лье от дома». Новая беременность протекала тяжело, но несмотря на это му поехал по настоянию отчима, барона Геккерна, вместе с Екатериной Николаевной в Вену: делать попытки возобновить карьеру. Попытки сии успеха не принесли: двери салонов и дипломатических миссий оказались прочно закрыты перед Д`Антесом, несмотря на его почетное депутатство в Генеральном совете парламента Верхнего Рейна. Никто не хотел протягивать руку дворянину, имевшему «три отчества и два имени» и запятнавшему свое смутное понятие о чести убийством мужа свояче-

ницы! Барон Жорж, раздосадованный донельзя, неудачами, вернулся в Эльзас, оставив жену на попечении «свекра – дядюшки». Екатерина Николаевна очень тяжело переживала не только эту венскую разлуку с супругом, но и вообще, свою постоянную, собственную причастность к некоему «року» в его карьере. Внутренние душевные терзания, трагическая уверенность в «злосчастности» Судьбы, необходимость постоянно играть некую роль, вести «двойную», а то и «тройную» жизнь, в глазах светского общества, родных из России, и в собственной, эльзасской, чужой и чуждой, семье, истощала все запасы ее жизненной, душевной энергии, сводило на нет всякое желание жить. Грызла, точила ее и неосознанная до конца тоска по родным. В письмах брату Дмитрию той «свободной» поры³ она с отчаянием сознается, что «писать ему каждый раз только о деньгах для нее сушая пытка», ... и что где то «в самой глубине своего сердца она хранит к родным местам и к России самую большую и нежную любовь!»

Пожалуй, в последние годы страсть к мужу и жажда подарить ему желанного сына приобрела у баронессы какой то маниакальный характер, словно лишь в ней Екатерина Николаевна видела смысл собственного бытия, личного существования..Словно это была некая надежная ниша, в которой она могла укрыться, спрятаться от самой себя, от терзающего ее чувства внутреннего, всепоглощающего одиночества!

9.

Небеса, в конце концов, сжалились над нею, и 22 сентября 1843 года мадам Д'Антес – Геккерн родила долгожданного сына, но, почти месяц спустя, скончалась от родового сепсиса. Это произошло 15 октября 1843 года. Все это – неудивительно. Роды были столь тяжелыми, что домашний врач, видимо, предлагал баронессе жесткий выбор: жизнь ее самой или появление на свет наследника фамилии. По оброненной фразе Луи Метмана: «Баронесса принесла себя в жертву сознательно.» – можно понять, что Екатерина Николаевна именно *выбрала* свою смерть. А муж ее молчаливо одобрил сей выбор, тотчас после кончины «обожаемой, незабвенной, святой Катрин» принявшись охотно творить легенду о Женщине, пожертвовавшей собою ради продолжения столь славного эльзасского дворянского рода! Смерть несчастной баронессы как бы развязала Д'Антесу руки. Теперь уже ничто не напоминало ему каждодневно и ежечасно о петербургской, страшной зиме 1837 года. Первое время после кончины Екатерины Николаевны он прожил в Сульце, постепенно подготавливая почву к возобновлению карьеры. Он занимал депутатское кресло в течении ряда лет, несколько раз был переизбран, приобрел вес в родном Эльзасе, стал мэром Сульца, а потом и председателем Генерального Совета Верхнего Рейна. Затем он был избран депутатом Национального собрания и переехал в Париж. Он умел ориентироваться в любой обстановке, неплохо владел ораторским искусством и всю мощь своего личного обаяния направил на то, чтобы сделать большую политическую карьеру и занять подобающее место в обществе. Дочерей его с тщанием воспитывала незамужняя сестра, Адель Д'Антес Все три девушки выросли замечательными красавицами и, по свидетельству все того же Луи Метмана, унаследовав от матери ее физические и нравственные достоинства, в особенности, «грацию ума и стана», заняли при дворе Второй Империи достаточно прочное положение.

10.

17 июня 1851 года, на заседании Национального собрания Франции, где рассматривалась конституция страны, с четырехчасовой речью выступил Виктор Гюго. Среди правых депутатов, парировавших ему, был и барон Жорж Д* Антес – Геккерн, привлечший своей пылкой и хорошо составленной речью внимание не только противников, но и сторонников Гюго. При всем желании, барона Д'Антеса нельзя было никак смешать с той «тупою грязью и толпой, «что превратится в прах», о которой с таким презрением говорил знаменитый поэт в своем стихотворении «Семнадцатое июня 1851 года».

³ Д'Антес отсутствовал в течении нескольких недель- автор/

Он чем – то выделялся из нее. Уверенностью, хваткою, энергией, наружным лоском..

Или это «век – торгаш» уже всюду наступал на пятки «романтическим бредням» века Гюго и Байрона? И наступала его время. Время Д'Антеса. Время ловкача, щеголя, истинного буржуа и резонера?..

Все вокруг увлеченно читали уже не «Собор Парижской Богоматери», а романы господина Бальзака, пространные «мариводажи», смешанные с неуклюжими описаниями финансовых операций и афер, ростовщических интриг и вексельных махинаций, человеческих пороков и страстей..

Впрочем, трехэтажный особняк барона Жоржа Д'Антеса, дельца и сенатора, банкира и держателя паев железнодорожных концессий, тоже кипел своими страстями: искренними, подлинными и словно бы просящимися на страницы очередного романа или повести «толстого писателя в засаленном жилете» – так зло и ядовито называли О. де Бальзака парижские бульварные газеты...

11.

На фоне упрочившийся карьеры, важного дипломатического поприща, которое обрел Д'Антес, благодаря покровительству принца – регента, связям в дипломатическом мире, его осведомленности об иностранных дворах, которою он был обязан барону Геккерну» (Луи Метман), семейная, родительская, отцовская жизнь Д'Антеса была полна ужасных противоречий, боли, холодности, немного отчаяния. Его прелестная красавица Леони, более всех похожая на покойную «русскую баронессу» внешне, отреклась от веселой и беспечной жизни светской девушки, отказалась бывать при дворе. По воспоминаниям ее родного брата Луи – Жозефа, она затворилась в своей комнате и целыми днями наизусть заучивала строфы из «Онегина» и «Кавказского пленника» или «Дубровского» и «Капитанской дочки»..

12.

Эта красивая девушка, умеющая необыкновенно тонко чувствовать, обладала «еще одною особенностью истинно русской женщины», писал Луи Дантес – Геккерн с любовью и грустным восхищением вспоминая о покойной сестре, – «она любила науку, любила учиться.

В то время дочь сенатора Второй Империи, где бушевало такое шумное веселье, знаете что она делала? Она проходила, конечно, – дома, весь курс Эколь Политехник⁴и, по словам своих профессоров, была первой»!

Барон Жорж любил дочь и потакал, на первых порах, всем ее прихотям, быть может, ему льстило, что красавица Леони считалось в парижском свете «девушкой необыкновенною» (А. Ф. Онегин – Отто)?

Или так он заглаживал вину свою перед ужасным прошлым, кто знает?

13

Влюбленная в творения, эпоху и жизнь Пушкина до крайности разума, Леони Д'Антес в один из вечеров осмелилась резко и прямо высказать отцу свое истинное мнение о его безобразном поступке, а в ответ на его «жалкий лепет оправдания» о том, что он «тоже человек и защищал свою честь», заявила, что отказывается говорить с ним понимая его и назвала отца убийцею Пушкина! В доме барона на два года воцарилось тяжелое молчание.. После этого скандала здоровье Леонии – Шарлотты Д'Антес стало резко сдавать.. По свидетельствам современников, брата и сестер вскоре она была помещена в одну из парижских лечебниц для душевнобольных и провела там все годы жизни, вплоть до кончины в 1888 году. В минуты просветления она была оживленна и доброжелательна и все просила родных принести ей только книги «дядюшки Пушкина»! Они были с нею до смерти. В момент кончины ей было сорок восемь лет. Могила Леонии – Шарлотты на фамильном участке кладбища ухожена и на беломрамор-

⁴ Высшей Политехнической школы, университета Франции – автор.,

ной надгробной плите без католического креста (!) в любое время года лежат цветы. Значит, недуг ее все – таки не прятали и не стеснялись его? Луи Метман говорит о том, что посещая могилу младшей дочери, «почтенный и одинокий старец барон Д`Антес Геккерн становился необыкновенно грустным и задумчивым и все протирал рукою надгробие, пытаясь поудобнее уложить цветы: маргаритки или фиалки»... О чем он думал в те моменты, не ведал, конечно, никто..

14.

Барон – сенатор нигде не писал и не говорил о том, что кара Божия настигла его и накрыла смертельной тенью, но можно ли подумать иначе, зная короткую историю жизни и судьбы его младшей дочери, Леонии – Шарлотты Д`Антес, русской лишь на пол – четверти по крови, и совсем – совсем не французенки по Духу?!

Кто – то из французских современных писателей сказал: «Мы не можем до конца почувствовать всю боль сердец русских, потерявших Пушкина, но неизвестно, что мы сказали бы и какую грязью забросали пресловутого Д`Антеса, убей он на дуэли, к примеру, нашего гения – Виктора Гюго! Все, увы, познается в сравнении!»⁵ Неужели же Леонии – Шарлотте Д`Антес дано было почувствовать сердечную боль всех русских и она искупила страшную вину отца горьким проклятием посмертной своей любви?!! Что ж! Для Небес нет ничего невозможного. Было ли все это совпадением, насмешкою Судьбы, ее карою: жизнь Леонии Д`Антес, покрытая мраком тайны и безумия? Или все это и есть – таки – истинное возмездие? Я не могу никак и ни о чем судить.. По праву автора. Он обязан сохранять беспристрастное молчание. Пусть думает и судит обо всем мой читатель.

P.S. Остальные дети барона Жоржа Д`Антеса де Геккерна и баронессы Екатерины Николаевны, урожденной Гончаровой? прожили обычно безмятежную жизнь. Умница Матильда вышла замуж за бригадного генерала Луи Метмана и дала начало новой ветви Д`Антесов Метманов, упрочивших древний род и его богатство, положение и репутацию. Берта – Жозефина, красавица и хохотушка, была блистательною светскою дамой, супругою генерального директора почт Франции, государственного советника, графа Вандаля. Сын Д`Антеса, наследник титула и баронских гербов и земель, и вовсе не сделал никакой карьеры.

Вышел в отставку в чине капитана гвардии и поселился в Сульце, родовом поместье, где умерла его мать.. Он холил виноградники и сады, фермы и поля и опекал отца – сенатора, умершего в возрасте девяности трех лет и похороненного рядом с женою.. В судьбе барона Луи Жозефа Д`Антеса де Геккерна не было ничего запоминающегося, увы! Яркая искра памяти на берегах непостоянной, легкомысленно – шаловливой Леты, часто впадающей в океан Истории, досталась только его сестре, озарила только ее Бытие.. Так иногда бывает, увы!

13 – 18 июля 2005 года.

* Новелла публикуется в авторской редакции с привлечением материалов личной библиотеки автора и не является полной биографией героини.

⁵ *Цитата дословная – автор.)

Николай Корсаков в лицейском мундире. Источник иллюстрации В. Вересаев «Спутники Пушкина»» стр 307, указ изд. Личное собрание автора.

Николай Александрович Корсаков: «Крохи жития любимца Аполлона»

?... 1800 г. – 26 IX. 1820 гг. Флоренция. Италия.

Несколько слов от автора.

Опять мне в душу вспыхкою, крохотной звездой памяти упала забытая история жизни двадцатилетнего молодого человека.. Из прошлого, нет, уже позапрошлого, столетия. Упала и вспыхнула там, горячею, обжигающей искрою..

Полурассыпанные страницы книг, тщетные поиски дат, фактов, портретов.. Нахожу лишь карандашный рисунок (*карандаш – итальянский?) высокий лоб, курчавые волосы ореолом вокруг него, пухлые, несколько чувственные, губы, совершенно юношеский овал лица и грустные, серьезные глаза, дипломатический фрак – сюртук, небрежно завязанный узел шейной косынки.. Знакомьтесь, мои читатели: Николай Александрович Корсаков, выпускник Царско-сельского (Императорского Александровского) Лицея, соученик – Пушкина, под номером сорок три.. Большой номер. Просто потому, что комнат в Лицее было более, чем пансионеров – учеников... По списку же фамилий Корсаков шел вслед за Александром Пушкиным, Егозою и Французом.. У него не было лицейского прозвища. А, может, и было, да не запомнилось. К примеру: «Корсак», «Гитарист»?...

Потом, после пушкинских блестящих строк стали называть его «кудрявым певцом, любимцем Апполлона». Но это было уже не прозвище – признание очевидности, холод факта. Его спутницею всегда была гитара. Властительница чувств в то время....

Комната Александра Пушкина в Царскосельском Лицее. Источник иллюстрации: ж-л «Отдохни» №35, 2012 г. стр.46. Личная коллекция автора..

Я буду писать о ее владельце и она сама незримо будет присутствовать в описании моем, как молчаливый зритель, свидетель, собеседник.. Прислушавшись, быть может, мы с Вами, читатель, уловим сквозь толщу веков ее нежный, печальный глас.. Быть может...

1.

1811—1812 гг. Сарское Село. Императорский Лицей.

...Сергей Гаврилович Чириков обмакнул чересчур скрипучее перо в чернила, звякнув крышечкою прибора, изображающего арапчонка с чашею фруктов на голове, и, выловив кончиком стило жирную муху, плавающую в черной густоте явно не час, а, верно, целых три дни,⁶ продолжал писать далее, аккуратно заполняя графы лицейской ведомости – журнала:

«Корсаков Николай: весьма пылок, непризнателен* (* старинное – неблагодарен – Р.), скрытен, нерадив, неопрятен, насмешлив; впрочем, усерден, услужлив, ласков. При больших способностях к учению и самонадению, менее прочих прилагает старания. Николай Корсаков столько счастлив памятью и одарен понятливостью, что с первого взгляда, обняв в мыслях изъяснение, считает себя свободным от внимания, и, кажется, не чувствует пользы постоянного прилежания, однако же успехи его в обоих языках довольно хороши..»

На минуту усердный гувернер прервал писание и прислушался к царящей вокруг тишине. С верхних этажей почти не доносилось никаких звуков. Тени от масляной лампы кругами плясали на стене комнаты и причудливые каракули, начертанные грифелем на стене, увеличивались темнели, светлели, становились ломанными линиями, замысловатым узором, пен-тограммою, всем, чем угодно, только не стихотворными строками, которые позволил он непоседливому «нумеру четырнадцатому» начертать прямо на стене.. Василий Федорович Малиновский сперва все ворчал было на эти собрания, но как же стеснить пыл мальчишеский, что не обласкан родительским вниманием в годы ученичества: порядки лицейские строги и видеться с родителями господам студентам – или ученикам все же? – невозможно. Потому и рад бывает искренно Сергей Гаврилович, что по субботам вечерами собираются в его скромной квартире в бельэтаже⁷ лицеисты и за простым угощением: яблоки, булки с маслом, стаканы черного чаю или морсу клюквенного, – ведут разговоры о литературе, стихах, о том, что долговязый и неуклюжий Кюхля, Вильгельм Кюхельбекер, сын покойного почтенного Карла Кюхельбекера, управляющего гатчинским поместьем покойного Государя Императора Павла Петровича, придумал, ни много, ни мало: «Философический словарь» со своими собственными мыслями и толкованиями.. Как бы припомнить, на днях нескладный Кюхля читывал нечто из него, и сие обратило на себя внимание господина профессора Куницына.. Дай Бог памяти! Ах да, вот это:

«Знатность происхождения: тот, кто шествует по следам великих людей, может их почитать своими предками. Список имен их будет его родословною.»

Или вот еще, кажется, господин Вильгельм сказал, что сие невообразимое по вольности изречение – цитата из Шиллера:

«Государь (самодержец) всегда будет почитать гражданскую свободу за очуженный удел своего владения, который он обязан обратно приобрести.

⁶ (*старинная форма произношения – автор.

⁷ * так в старину назывался первый этаж, находящийся над подвалом, службами. Здание Лицея было четырехэтажным. – Р.)

Для гражданина самодержавная верховная власть – дикий поток, опустошающий права его..»

2.

Власть Государя – «дикий поток»... Ах, ну что за дикие мысли! Якобинство в Лицее?! Только этого и не хватало! Да вроде нет, они еще совсем мальчишки, по вечерам в рекреационной зале у них – мячик и беготня, бывает, так шалят и резвятся, что в забывчивости скидывают с себя синие форменный сюртуки с золотошитыми воротниками, и остаются в одних рубашках.. То же в фехтованье и танцах: сперва неуклюжи и робеют; от их неловких движений гасятся высокие канделябры со свечами, но потом, освоившись, хохочут, картинно дурачатся, дразнят друг друга изысканными поклонами, копируют все жесты и па.. А Николай Корсаков, тот частенько уклоняется от участия в танцах и боях фехтовальных и все более сидит в углу залы, наигрывая на своей маленькой кефаре⁸ нежные мелодии..

И, вправду, в такие мгновения сильно походит он на кудрявого и капризного Феба и лицо его озаряется мечтательною думою... О чем? Или более того – о ком?.. Все окрестные дома Сарскоселья⁹ распевают нежный романс корсаковский на стихи нумера четырнадцатого «Вечор мне Маша приказала», а барышни Малиновские, не далее, как вчера, все приставали к отцу своему, Василию Феодоровичу¹⁰ с расспросами о смуглом егозе Пушкине и все чертили что то в свои девичьи кружевные альбомы.. Сергей Гаврилович задумался.. Интересно, уж не показывали ли барышням Малиновским лицейские проказники свой журнал рукописный, расписанный, опять же, четким, с затейливыми завитушками, хорошо поставленным, почерком Корсакова, который был заодно и редактором его? Забавные истории пишут там господа воспитанники, и называли его так затейливо: «Лицейские мудрецы», а с виду журнал, сей просто – тот же альбом, в темно – красной сафьяновой обложке, с медными застежками.. Вечор как то удалось ему взглянуть на страницы сего «рукописного вольномыслия» и прочел он там, немало изумясь, следующее:

Осел – философ.

«Я слышал, помнится, где то, что в древние века ослы были в большом почете. Племя разумных ослов почти совсем истребилось; однако же, оставалось несколько ослов, которые, несмотря на пагубное течение залива правды, на сияние, как бы сказать, лягушечного сиропа, потеряли всякий бюст всемирной истории..

Что Читатель?.. Неужто не понял ты, что это – бессмыслица?.. Экий дурак! Смейтесь над ним...

Ха!.. ха!.. ха!.. ха!...»

Авторства под сей баснею указано вовсе не было, и сколько не хлопотал дотошный гувернер, установить его он – не смог. Рука же была точно – Корсакова, твердая, уверенная, но и отпирался «кудрявый певец» от написания сей возмутительной безделки с тайным умыслом, столь же непреклонно и твердо!

3.

По мнению педанта Чирикова, уж лучше бы воспитанники лицейские более склонялись к изучению наук серьезных, к примеру, к – философии, юриспруденции, но, с другой стороны, иметь вкус к изящному – разве же возбраняется? И сам он стихотворством баловался не раз

⁸ *античное слово, означающее гитару. Было в употреблении в XIX столетии. – автор.

⁹ старинная форма произношения. – автор.

¹⁰ Малиновский В. Ф. – первый директор Императорского Лицея. Скончался в 1814 году. – автор.

и знает, как пленяет поэзия, как может она властвовать над умом.. Велика та власть и оставляет отпечаток на человеке, на душе его – навсегда.

Слыхивал он краем уха, и что Государыня Императрица Елисавета*¹¹⁾ Алексеевна сильно интересуется судьбою ее соседей – отроков по Дворцу, и именно под ее неусыпным и благосклонным вниманием Николай Феодорович Кошанский так много старания и времени уделяет литературным склонностям учеников своих.. Намедни они розу описывали в разных состояниях: и в росе, и ввечеру, и свежую, и увядшую, так лучше всех опять вышло у «нумера четырнадцать», да, пожалуй еще у барона Дельвига, сонного и смешного увальня... А Корсаков, тот слабые вирши пишет, несмотря на то, что брат его родной, Павел Корсаков – литератор, издатель и цензор, журнал, довольно солидный, с господином Загоскиным издавать затевает.¹² Семья Косаковых весьма приличная, поговаривают о том, что члены ее – ветвь захудалая княжеского рода.. Оно и видно, манеры у Корсакова – отменные, а чего недостаточно, то – добавится строгим лицейским воспитанием, на то и учреждено сие заведение необычное, не было еще такового в истории российской! Вот только доучились бы все здоровыми: нескладный господин Вильгельм все на головокружения жалуется, вечно сонный барон Дельвиг опасения внушает за ум свой, тоже – сонный и вялый.. А Корсаков..

Да, а что же – Корсаков? Этот – грудью слаб, потеет по утрам и кашляет так, что будит соседей своих по нумерам.. Надо бы его поить портером да молоком коричневым, да вот только сочли недавно Его превосходительство Василий Феодорович вместе с экономом и кухмистером лицейским баловством давать господам ученикам по утрам портер, разбавленный водою. Не вменять же вновь винное лакомство в правило ради одного лишь воспитанника! Тем более, что шептал ему на ухо вездесущий «лисичка» – ябедник, Сергей Комовский, что пробавляются господа лицеисты: Пушкин, Пущин, Матюшкин, Корсаков и даже – князь Горчаков! – пуншем, что собственноручно изготавливают втихомолку ото всех в нумерах своих... А сахар для сего противного зелья берут из лавки Леонтия, которому за его баловство господ воспитанников давно бы следовало отставку учинить! Да разве же послушает директор Малиновский добрых советов?! Только и ограничится тем, что посадит воспитанников провинившихся дни на два, на неделю, за «черный» стол, поставит на колени на молитве, да занесет сгоряча фамилии шалунов в «черный список» выпускной классной ведомости, а потом, несколько времени спустя, при огарке свечном, в кабинете, почти таясь, будет исправлять своеручные записи в журнале.. Чириков уж не раз видел такое.. И что тут поделать?.. Вольный дух царит в Лицее, ох? вольный!

Сергей Гаврилович осторожно присыпал лист ведомости белым песком, зачем то слегка подул на него.. Крупинки песочные тотчас полетели ему в глаза.. Он зажмурился.. закашлялся.. Что – то здесь еще нужно было добавить, в ведомости сей? Что? Забыл... Ах, да.. Подписи.. Перо вновь с нажимом закрипело, выводя завитки парафа: «Гувернеръ С. Чириковъ.. Надобно будет место оставить еще для росчерка властного Николая Феодоровича*¹³ Тот, небось, как всегда, станет морщить лоб, читая отзыв, столь «лестный», о Корсакове, ибо вечно, умудренный и умягченный изящными науками профессор, находит, что он, педант – воспитатель Чириков, несостоявшийся пиит российский, «баловень словесности», «Герой Севера»¹⁴ пристрастен к господам лицеистам..Ох, как пристрастен! Ну да уместно ли сие пристрастие и благотворно ли оно – время покажет!..

¹¹ (*старин. форма произношения имени «Елизавета»). – автор.

¹² В 1817 году П. А. Корсаков начал издавать совместно с Загоскиным журнал «Северный наблюдатель» – автор.

¹³ Н. Ф. Кошанского – автор.

¹⁴ Чириков писал тяжеловесные стихи и оды. «Герой Севера» – название одной из них. – автор..

Венеция. Альбом «Путешествия во времени» стр. 269. Папка 2.Личная коллекция, архив автора.

4.

26 сентября 1820 г. Флоренция. Италия. Русская дипломатическая миссия при дворе герцога Тосканы и Сардинии.

Поверенный в делах России при дворе герцога Тосканского, наморщил лоб и снова глянул на лист бумаги: аттестацию новоприбывшего пару месяцев назад в миссию из Рима и занедужившего почти тотчас смертельно дипломата Николая Александровича Корсакова... Что же тут, в бумагах аттестационных значится?

Так – с, так – с.. Серебряный медалист первого выпуска лицейского, в языках европейских – волен, будто – родные, почерк отменный, каллиграфия – бисерная и совестно спрашивать, как юнец сей таковому искусству обучился – как никак, он же был воспитанник Сарско-селья, а там, рассказывают, учителя строгие, не то что его наставники – дьячки монастырские в клобуках, лбы недоучившиеся! А хорош собою этот новый дипломатик, и болезный даже: волосы вьются, глаза горят, на щеках румянец.. Пальцы тонкие, длинные, как у музыканта.. Да он и есть, однако же, музыкант, еще вечер жена, ахая, говорила, что весь Петербург с Москвою его романсы певал на стихи Пушкина и Илличевского.. Певал то певал, да он не слыхивал! Не любитель он романсов сих, сладкозвучий обольстительных.. Мало ль до чего они довести могут, романсы те.. И совсем некстати так плечи свои супруга оголяет на раутах посольских, право, некстати.. Надо заметить ей! Для взоров пламенных юношей, таких, как Корсаков сей, то – весьма опасно. Весьма!

5.

Да что это, не о том он опять думает и вовсе – не вовремя!! Из соседней комнаты послышался натужный кашель больного. Сиделка проворно загремела кувшином и медным тазом поставленным у кровати. Одним глазом, сквозь тонкий лорнет, глянул растерянный дипломат в сторону ложа бедного Корсакова, у изголовья которого суетился доктор, присланный из Тосканы самим герцогом.. Да что уж теперь! Дважды горлом кровь шла, ясно, что и до утра не дотянет, вон, щеки впали, и румянец – пятнами, а пальцы все что то на одеяле перебирают, словно струны гитарные щиплют.. Как жаль, больших дарований человек, молодой, блестящий, а умирает так бесславно, в чужом краю, вдали от друзей, родных, всех милых сердцу..

Да, опять он не о том думает.. Надо отыскать в бумагах адрес родных, послать хотя бы известие краткое.. А не то, как умрет бедный юноша, так и помолиться за упокой души его некому будет по христиански, по православному! Озабоченный тягостной думою носитель синего сюртука, машинально перекрестился троеперстием и снова сколонился над укладкою в кожаных ремнях.. Какое то письмо на бумаге с личною печатью дворянской.. Скользнув глазами по строкам сквозь лорнет, наткнулся на имя немецкое, звучное: «Энгельгардт», прочел, запинаясь и шевеля губами:

«Любезный Егор Антонович! Еду на днях в чужие края, не знаю, надолго ли, не знаю, вернусь ли»..

Энгельгардт, Энгельгардт? Знакомо сие начертание, на слуху будто... Кто таков? Ах, да, вот же адрес на обороте: «Его Высокопревосходительству Директору Императорского Лицея, в Санкт Петербурге, в Сарском селе, в собственные руки»..

Сообщить надобно непременно.. Как – никак – бывший воспитанник.. Не забыть бы только, не хлопотаться.. А тут что? Тетрадь рукописная.. Название странное, все в завитушках и росчерках: «Дух лицейских трубадуrows» – сборник пиитический, составленный в 1816 году, собственноручно господами пиитами».. И летящий наискось, остро – изящный почерк, строфы рифмованные:

Мой друг! Неславный я поэт,
Хоть христианин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный —
И песни музы своенравной,
Забавы резвых, юных лет
Погибнут смертию забавной,
И нас не тронет здешний свет!

Ах, ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей,
Бессмертие своих творений
Не властны мы в судьбе своей
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи в твоих руках
На скромных дружества листках
Уйдет от общего забвенья..
Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный —
Мои стихи пускай умрут —
Глас сердца, чувства неизменны,
Наверно их переживут!
Александр Пушкинь...

Росчерк затейливый в конце..... Этаким облачком.... Несчастный юноша что то в бреду горячечном говорил о друге своем лицейском, что сейчас в далекой Бессарабии пребывает, и «творит там, то, что творил всегда, прелестные стихи, и глупости и непростительные безум-

ства..¹⁵Пушкин, пиит российский, дамы посольские все ахают над его словесными безделицами: «Русланом и Людмилою», элегиями томными, а стоит ли? На взгляд серьезный и нет в нем ничего, пустота одна, на кончике пера, подражание сплину бейроновскому, не более.. А что у него там, в глубине сердца, кто ведает?.. Пииты, музыканты! Одно слово – несерьезный нарядец, хлыщи модные: и век короток, и проку мало! Ох – хо – хо!...

6.

Из комнаты больного внезапно раздались обрывки чарующей мелодии и резонер поверенный, жевнув губами испуганно, уронил в укладку серебряный лорнет..Никак очнулся? Неужто лучше?.. И, слава Богу, труд напрасный: искать местопребывание родных?!.. Засеменил, кряхтя, торопливо ногами в лаковых штиблетах к двери, дернул глухой конец шейного платка, вскинул взор на доктора.. Тот лишь отрицательно мотнул головой и засуетился у сбитых простыней ложа, клонясь над больным, и все пытаясь вынуть из рук его небольшую лаково – черную кефару с загнутым грифом.. Тот, раскрыв лихорадочно блестевшие, смородиновые глаза, шептал что – то тихо, распевно, словно куплет романса, а потом глаза его затуманились слезами, пальцы нервно забегали по одеялу, рванули тонкие струны кефары и оборвали их. На всю комнату разнесся жалобный стон, замирая где то высоко, под лепным потолком, с которого косились на уходящего в небеса юношу лукавые пухлощекые амуры с позолоченными крыльями и стрелами в руках. Сиделка, торопливо подбежавшая к небольшому бюро, стоящему в простенке меж высокими венецианскими окнами, схватила с доски первое подвернувшееся под руку перо и лист бумаги, прозрачный как калька. Бережно вложила в слабеющие руки Корсакова и тот начал медленно водить пером по бумаге.. Большие буквы, загнутое крючком «ять, ер».. Никак, пишет свою фамилию?.. Поверенный внутренне охнул, сердце его, привыкшее к разным картинам жизни, как то странно затихло, потом забилося неровно, и он еще ниже склонился над укладкою, нежно и слабо пахнувшей мелисою и вербеною.. Где же родные то, право слово, не письма, ни адресу?! Ах вот, наконец:

«Его высокоблагородию господину Павлу Александровичу Корсакову.. Порховской уезд, Псковской губернии, имение Буриги, в собственные руки»..

– Господин поверенный! – зашептал вблизи уха чиновника взоволнованный голос сиделки.. – Синьор Николино... кончаются.. просят непременно русского священника. И камень могильный, дабы имя на нем начертать.. Ведь после – никто не сможет..

– Что за чушь! – дернул плечами чиновник, и вновь уронил в темное нутро укладки лорнет. Потом опомнился, махнул рукою, прерывисто вздохнув: – Так что же Вы, милая, стоите, ступайте вниз, во двор, возьмите булыжник какой ни на есть.. Русского священника.. Где же я его возьму – то в единый миг? Нет во Флоренции ни собора, ни церкви православной.. Знаете ведь! – его итальянский в минуты смятения был из рук вон плох, он отлично знал сие, и оттого то, нервничал и дергал плечами сильнее обычного.. Растерянная сиделка, что то бормотала, бурно жестикулируя, как все флорентийки. Черные брови ее были нахмурены.

– Ваше высокопревосходительство, синьор Корсаков – скончались! – прервал тихое шипение поверенного и испуганный лепет сиделки возникший в проеме двери доктор. – Вы бы приказали немедленно гроб готовить.. Открытая форма чахотки, в случае эпидемии я буду бессилен! – доктор развел руками и отступил назад, заметив в глубине комнаты раскрытый сундук:

– А это что такое?!

– Бумаги покойного.. Разбираю. Надобно же найти адрес его, сообщить родным, близким.

– Немедля сжечь! Немедля! – доктор в панике махал руками.. – Все сжечь, вместе с одеждою.. И гроб отправьте подальше. Боюсь, что на флорентийском кладбище местные власти иноземца чахоточного хоронить не позволят!

¹⁵ Слова Е. А. Энгельгардта из письма князю А. М. Горчакову, соученику А. С. Пушкина. – автор.

– Подальше? Это куда же – подальше? – растерялся дипломат, щуя беспомощно подслеповатые глаза..

– Ну хотя бы в Ливорно.. Город портовый, я слышал, туда часто заходят русские суда, можно будет отправить тело на родину. – безразлично пожал плечами придворный доктор, привыкший к неразборчивому лику смерти.

– Ливорно?! – потрясенно прошептал поверенный – Что такое Вы говорите, сударь? Русская миссия не может нести такие расходы на погребение! Господин Корсаков совсем недавно прибыл из Рима, семья его в отдалении, в России.. Лечение стоило дорого..

– Сообщите тогда своему послу в Рим, – сухо возразил герцогский лекарь. – Русские – люди отзывчивые, и я уверен, не захотят оставить прах бедного своего соотечественника в забвении. Я слышал, синьор Корсаков – княжеского рода и в ранней юности был придворным музыкантом? – в холодно – любезной улыбке доктора было что то убийственно насмешливое, презрительное.. Поверенный нервно глотнул и сощурил глаза, отчеканил, сам поражаясь силе своего, прежде глуховатого, неясного голоса:

– Не придворным, а – Лицейским! Императорский Царскосельский Лицей в России – высшее учебное заведение, под покровительством Державной фамилии и лично Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны.. О кончине бывшего лицеиста, серебряного призера, немедля в Придворную канцелярию и Дирекцию Лицея будет сообщено.. Мое почтение Его Светлости герцогу Тосканскому и благодарность сердечная за участие в судьбе русского дипломата. Прошу передать! – поверенный сухо поклонился, шелкнув лаковыми штиблетами. Когда он вскинул голову, сухопарая тень лекаря исчезла вовсе из комнат. Возле тела больного юноши суежилась лишь чернобровая итальяночка – сиделка. Она зажгла пару свечей на низкой мраморной каминой доске, накрыла усопшего белой простынею и теперь старательно пыталась вложить в еще теплые его руки маленький серебряный шейный крестик на тонкой цепочке.. Глаза Корсакова были закрыты и казалось, что юноша просто мирно спит, так спокойно и безмятежно было его чело, лишь в уголку пухлых, еще юношеских губ, искусанных и бледных, чернела тонкая струйка запекшейся крови.. В ногах покойного сиротливо темнел странно блестящий в пламени свечей гриф маленькой кефары без струн...

Вместо эпилога:

.. «Сказывают, за час до смерти он сочинил следующую надпись для своего памятника, и когда ему сказали, что во Флоренции не сумеют вырезать русские буквы, он сам начертал ее крупными буквами и велел скопировать ее на камень:

Прохожий, поспеши к стране родной своей!
Ах, грустно умереть далеко от друзей!»

(Из воспоминаний Е. А. Энгельгардта, директора Императорского Царскосельского Лицея. Запись Я. Грота.)

.. «Вчера я имел от Горчакова письмо и рисунок маленького памятника, который он поставил нашему бедному трубадуру Корсакову под густым кипарисом, близ церковной ограды.. во Флоренции.. *¹⁶

¹⁶ Е. А. Энгельгардт ошибался. Памятник был установлен А. М Горчаковым на могиле Н. А. Корсакова в Ливорно. —Р.) Этот печальный подарок меня очень обрадовал. (*Дневниковая запись Е. А. Энгельгардта цитируется по книге Н. Эйдельмана «Прекрасен наш союз..» стр.158. – автор.

«Сестра Кюхельбекера, Юлия Карловна, поклонится в Италии тому маленькому памятнику Корсакова, сорвет листок с померанцевого дерева у могилы... «Листок этот, – засвидетельствуют современники, – Кюхельбекер хранил, как реликвию, как святыню, вместе с портретом матери, с единственной, дошедшей до него, рукописью отца, с последним письмом и застжкой от манишки Пушкина и письмом В. А. Жуковского»..¹⁷

...Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной

Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,

¹⁷ Н. Я. Эйдельман. «Прекрасен наш союз»... История одного класса. Москва. Издательство «Молодая гвардия». 1982 г. стр.189.

В. Кюхельбеккер. Портрет карандашом в годы ссылки. Источник иллюстрации: «Жизнь Пушкина». Том первый. М. Изд-во «Правда». 1987 год. Личное собрание автора.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер. «Мой брат родной, по Музе, по судьбам»...

(21.06.1797 года [Петербург] – 23.08.1846 года [Тобольск])

* * 1 * *

Неуклюжий, долговязый, размахивая длинными, не по росту, руками, он бежал, ничего не видя впереди себя от слез, путаясь ногами в изумрудной, чуть изжелта, траве... Нет, эта невыносимая жизнь должна закончиться! Не «когда –нибудь». А сию минуту, сейчас! Терпеть эти беспрестанные насмешки и поддразнивания нет больше сил! Он не знал, примет ли его зацветший и тихий пруд, в который они, лицеисты, часто бросали то камешки, то листья, а потом зачарованно наблюдали за их плавно – сонным движением на воде. Рыб там не было, а, может, и были, он не знал... На минутку представилось ему, что эти самые рыбы будут плавать вокруг того, что было когда то им, шевелить раскрытыми, удивленно – толстыми ртами, что – то говорить на своем, рыбьем, языке. Может быть, хоть им станет немного жаль его, раз в мире людей царят лишь насмешки и непонимание! Впрочем, потом ему будет уже все равно... Он неуклюже бухнулся лицом в холодную воду, поднимая вокруг себя миллион брызг, ослепительных, колючих... Вода оглушила, на какое то мгновение все стало немым и ватным, потемнело в глазах. Он не различал ни криков, ни плеска крошечных волн – кругов, расходившихся вокруг, ничего!

Не было и страха, но и наслаждения блаженной тишиной и покоем, он еще не успел ощутить.

Очнулся оттого, что чьи то холодно – ловкие пальцы расстегивали тугой, намокший воротник мундира. Голос лицейского доктора, ласковый и сокрушенный, шмелем гудел над ухом: «Ай – яй, голубчик, что это такое Вы наделали! Совестно должно быть, Вильгельм Карлович! Испортили мундир, придется прошение теперь подавать в хозяйственную часть. Да и напугали всех, всполошили, оставили без обеда!»

Директор, Егор Антонович, наклонился и, казалось, хотел погрозить ему пальцем, но, увидев мокрое лицо, с растерянными, выпукло – близорукими глазами, готовое сморщиться от слез, только махнул рукой, приказав немедленно отнести «утопленника» в лазарет. К вечеру туда тайком пробрались Пущин, Дельвиг, Илличевский – Олосенька, Моденька Корф и Александр – те, кого он любил больше всех.. Растерянно моргая, он сжимал пальцами, боясь выпустить, потерять, теплую ладонь Александра, прислушивался к шепоту Жанно – Пушина, рассеянно кивал в ответ на улыбки Олосеньки и сдержанные вздохи Моденьки – тот все наровил тайком сунуть ему в руку леденец, выпрошенный у лицейского буфетчика.. Отогревшись под суконным одеялом, после камфорного растирания, он с трудом преодолевал дремоту... В голове кружился вихрь, который – он знал, – предчувствовал, – вскоре начнет собираться в строчки... Он никогда не складывал их насильно, если же начинал делать это, то капризное вдохновение улетучивалось немедля, разрушая все его отточенные, добросовестно записанные в тетрадки, планы. Единственно, чему планы не мешали, так это составлению «Словаря», в котором успел он написать только несколько глав, как – то: «Аристократия», «Естественное состояние», «Образ правления», «Рабство», «Свобода гражданская»... По ночам, шурясь при свете свечей, штудировал он труды Руссо и Вейса, выписывая цитаты и делая пометки. Заслышав в коридоре шаги гувернера Мартына Пилецкого, быстро прятал книгу в потайной ящик бюро и нырял под тонкое одеяло... Строчки свои рифмованные не хранил долго на бумаге,

заучивал наизусть, показывал Моденьке Корфу, тот удивленно шепча, говорил:» Станный ты, Виленька, и язык стихов твоих странен, однако, быть тебе в поэзии вслед за Дельвигом и Пушкиным, я так думаю...» Вильгельм в ответ только плечами пожимал и смеялся гортанным, глуховатым смехом... Кому дано знать судьбу? Тем паче, Судьбу Пиитическую? Лишь капризным и легким Музам...

* * 2 * *

В кабинете своем, сердито ворча на старого, седого слугу, Егор Антонович Энгельгардт немного нервно дергал ящики секретного стола – конторки, где лежали папки с делами лицеистов – воспитанников...

– Что это, право, свечей не допросишься?! Принеси еще огня, да позови господина Пилецкого сей час! Эки дела, господа воспитанники топиться удумали! Да что ты знаешь о Кюхельбеккере? С чего сие происшествие приключилось?! – вопросительно – строго уставился Энгельгардт на седые бакены слуги, сквозь стеклышки пенсне – велосипеда. Тот испуганно попятился...

– Не могу знать, Ваше Высокоблагородие, господин директор! Всегда тихие были, читали много, все с книжками, только уж если выведут их-с! Не дай Бог! Вспыльчивы очень-с! Опять же господин Пушкин, егоза...

Что – «господин Пушкин?» Обижали чем? Доктор – хорошо ли смотрел? Нервы не расстроены ли? Не было ли в чем ущемления, придинок неуместных?... Да что ж ты пятишься, горе ты глупое?!.. Беги сейчас за Пилецким, да ключи принеси, эти, кажется, негодны! Ах ты, беда мне с этими вольнодумцами – пиитами! Еще до Их Величеств дойдет! Государыня Императрица*¹⁸и так уж беспокойство высказывала.. Мягкосердечна Государыня, но за деток – голову с плеч снимет, не пожалеет ни минуты! Даром что – ангел небесный! Так – то, горе ты глупое! Иди уж!

Егор Антонович мягко усмехнулся, глянувши на пятившегося слугу, с досадою еще раз дернул заупрямившийся ящик, тот не выдержал напора... и вывалился из конторки вместе с содержимым. Бумаги разлетелись по ковру. Охнув, директор присел на корточки – подбирать. Наткнулся на характеристику, написанную крупным размашистым почерком Пилецкого...

«Кюхельбеккер Вильгельм, лютеранского вероисповедания, 15 лет. Способен и весьма прилежен; беспрестанно занимаясь чтением и сочинениями, он не радеет о прочем, оттого в вещах его мало порядка и опрятности. Впрочем, он добродушен, искренен, с некоторою осторожностью, усерден, склонен ко всегдашнему упражнению, избирает себе предметы важные, плавно выражается и странен в обращении. Во всех словах и поступках, особенно в сочинениях приметны некоторое напряжение и высокопарность, часто без приличия... Раздраженность нервов его требует, чтобы он не слишком занимался, особенно сочинениями.»

* * 3 * *

– Вот – вот, то то и оно, господин учитель, сочинения до добра не доводят!! Давно известно. ...Как же это Вы так, наставник Благородного Дворянского Пансиона (с 1818 года), лицеист с серебряною медалью, в Коллегии иностранных дел служили, на хорошем счету

¹⁸ Елизавета Алексеевна, жена Александра Первого. Лицей находился под личным покровительством Императорской фамилии – автор.

у генерала Алексея Петровича Ермолова были – на Кавказе, и на тебе – в Цареубийцы записались, с мятежниками заодно?!... А Вы знаете, что Вас ожидает, милостивый государь – бунтовщик?! – генерал, граф Алексей Федорович Орлов гневно сжал в толстых пальцах перо, остов его согнулся пополам, оно сломалось и полетело на пол.

Вильгельм не заметил в какой угол, в комнате был полумрак Он расправил плечи, глубоко вздохнул, расстегнул душивший его ворот шинели, прищурил близорукие, чуть навывкате, глубокие ореховые глаза – впадины. В них мелькнул затаенно насмешливый огонек.. Или Орлову показалось?!

(Проклятые эти лицеисты – бунтовщики, гвардейцы... Умничают на каждом допросе... О «Свободах» рассуждать горазды! Набрались там, в заграницах, ума.. От которого горе одно! Вот, кстати, еще и с тем сочинителем знаком сей бунтовщик, с Грибоедовым... Жаль, отпустили дипломата рано! Порасспрашивать бы.. Поприпугивать..Однако, желание Государя... Пришлось «сочинителю – театральному», дипломатишке в пенсне, оправдательный аттестат выписывать! Ладно уж, хоть этот, закованный в железа не увернется!)

– Не имею чести знать... Может быть, Вы, Ваше Сиятельство, напомните? С интересом выслушаю сей прогноз. – арестант чуть улыбнулся, кашлянул глухо и устался на генерала немигающими глазами.

– За покушение на особу его Императорского Высочества, Великого Князя, Михаила Павловича, с целью лишения жизни последнего, за побег, за участие в бунте противу властей и Самого Государя Императора... Не меньше виселицы Вас ожидает, господин бунтовщик! Благодарите за милосердие Высочайшее и Императора и брата Его, Великого князя Михаила... Орлов откашлялся, хрипло со свистом втянул воздух... Повешение заменили Вам, господин Кюхельбеккер, по монаршей воле, каторгою на 20 лет, а уж каторгу... заключением в крепости Кексгольмской... Не знаю, что и лучше для Вас! – Генерал брезгливо поморщился... Прочтите вот, бумаги по делу Вашему, да извольте не глазеть, а отвечать на вопросы!

С какого Вы времени состояли в противуправительственном «Северном обществе» господина Рылеева и идеи сего заговора поддерживали? Не с того ли момента, как во французском антимонархическом обществе «Атеней», в Париже, лекции по русской словесности прочли, с дерзкими идеями об освобождении черни?! – генерал возвысил голос.¹⁹

Арестант молчал. При каждом легком движении цепи на его ногах позвякивали.

Я Вас спрашиваю, господин сочинитель, или – стены?!

– Вашему сиятельству лучше знать.. Я – всегда и всего лишь Поэт, а Поэт не может жить в обществе, где люди – угнетены...

– И именно поэтому, господин Поэт, Вы решили, что Диктатор Вашего восстания, князь Оболенский, будет лучшим властителем, нежели Монарх, избранный Богом и присягнувший на верность своему Отечеству и народу?! Поэтому Вы его избрали и для успеха бунта старались вести за собой в казармы Гвардейский экипаж?... А потом еще и пытались выстрелить в Его

¹⁹ Почти год, с 9 сентября 1820 по август 1821 года В. Кюхельбеккер путешествовал по Европе в качестве личного секретаря князя А. Л. Нарышкина – автор.

Высочество? И бежать от Правосудия?! Нечего и говорить, достойный узник для крепостей до смерти! Надо благодарить господина Григорьева за то, что Вас в Варшаве поймал по описанию, Бог помог, не иначе!²⁰

Орлов схватил со стола колокольчик. На оглушительный звон вбежали два запыхавшиеся охранника с примкнутыми штыками и поспешно увели прочь арестанта: бледного, высокого, худого, в шинели с оторванными пуговицами, неловкого путающегося в цепях. Тяжело гроыхнула железом окованная дверь. Мучительная боль, отзываясь на грохот, разорвалась в мозгу «графа от жандармерии» тысячью ярко вспыхнувших звездочек. Мигрень мучила с утра, отсюда и злость беспричинная, поднявшаяся откуда – то из глубин!

Несколько секунд Орлов сидел, тупо уставившись на двери, потом тяжело вздохнул, вызвал денщика, потребовал стакан горячего чаю с кренделем и принялся терпеливо заполнять многочисленные формуляры и списки, протоколы допросов.. Несть им числа, несть конца.. Куда проще было бы всех их перевешать, как тех, пятерых! Ему бы – Государеву власть! Уж он бы показал этим якобинцам!

Только в России – матушке возможно такое: чтобы дворяне захотели в сапожники! Ох, беда с этими вольнодумцами – пиитами! Беда неминуемая!

* * 4 * *

Он тяжело проснулся сегодня утром. Сны – грезы прошлого – одолевали его все сильнее и сильнее.. Пушкин, Дельвиг, Грибоедов, все они – в могиле, в мире ином, но в снах оживают, жесты и движения их, становятся легкими и яркими, а слова звучат отчетливо. Скорее, это не слова, а чувства, которые он схватывает на лету, которые созвучны ему более, чем все его окружающее здесь, где вечно ворчащая Дронюшка и крикливые дети – Мишенька и Юстина. Они и хотели бы быть смиренными, но детское берет в них вверх, вот они и кружатся в беготне, предпочитая ее на весь день книге хорошей! Да и то, верно говорит Дронюшка: сибирское лето коротко, пусть порезвятся вволю.. На дворе июль. Середина. 1846 год.

Почти десять с лишним лет, как он на поселении. Около семи крепостей и пятнадцать лет одиночных камер у него за плечами!

Горестна жизнь и не было в ней просветлений, кроме тех минут, растянувшихся в вечности, когда он корпел над своими рукописями и дневником. Даже женитьба не принесла ему чувства счастья. Он женился без упоения, без ребяческого очарования. Ему хотелось иметь помощницу и друга, хотелось хоть кому – то голову на плечо склонить. Но, пожалуй, женитьба в 1837 году, в январе месяце (а через три недели погиб Александр в далеком Петербурге, на дуэли с кавалергардом!) была самой большой ошибкой в его жизни! Племяннику своему, Мишеньке Глинке, наказывал он «никогда, никогда не жениться на человеке, который тебя не понимает!» Грустно, горько.. Жизнь прошла в лишениях и боли. Но, окуная перо в чернильницу, забывал он о горестях и одиночестве душевном – непременно! Бывало, раньше, пока не стали серьезно подводить глаза, не пропускал ни одного дня, чтобы не записать впечатлений от прочитанного, не черкнуть несколько стихотворных строк или не набросать еще одного действия драмы. Бумаг рукописей накопилось с приличный сундук – ящик. Тысяч на пятьдесят!

²⁰ 19 января 1826 года Вильгельм Кюхельбеккер был арестован в предместье Варшавы и доставлен в Санкт – Петербург, в рavelин Петропавловской крепости. – автор..

Дронюшка ворчала неустанно. Когда он сидел над бумагами, причитывала, чтоб лучше уж вышла бы она замуж за какого –нибудь купца, была б счастливее, не ходила б в обносках затрапезных, да не копалась бы с утра до ночи в огороде, с которого все едино –проку нет, и зачем разводили?! Какой с него аграном! Вот Михаил,²¹ тот – другое дело! И хозяйственный, и дом у него получше!

А у них – вечно – «ни полушечки». Через этот сундук несчастный, да писанину свою непутевую, только ослеп ее Вилинька, да грудью ослаб: чуть чахотку не нажил в камерах крепостных!

Но не могла Дросида Ивановна понять своим крохотным умом «дщери почмейстерской», что только поэзия, только поэтическое призвание служило для него, «вечного узника», утешением; и только об одном он никогда не пожалел в своей жизни: о том, что сделался Поэтом, когда – то, еще в стенах Лицейских... Как то там у него было написано в дневнике, а потом – и в письме к племяннику Мишеньке...

«Никогда не буду жалеть о том, что я был Поэтом; утешения, которые мне давала поэзия в течение моей бурной жизни, столь велики, что довольно их. Поэтом же надеюсь остаться до самой минуты смерти, и признаюсь, если бы я, отказавшись от поэзии мог бы купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не поколебался: горесть, неволя, бедность, болезни телесные и душевные с поэзией не предпочел бы я счастью без нее!»

Да и сейчас, на обрыве дыхания, мог бы он подтвердить те же самые слова. И добавить еще, другие, обращенные к Ангелу Поэзии, и написанные давно, в год смерти Александра Пушкина...

«Бывало же, коснешься томных вежд

С них снимешь мрак, дашь жизнь и силу лире —

И снова я свободен и могуч:

Растаяли затворы, спали цепи...»

22 мая 1837 года. «Разочарование».

Да, цепи и, действительно, спали. Легко дышалось груди, свободнее.. Он устало присел на скамейку у двери: целый день в движении, разбирал бумаги, надо бы отдохнуть, но нет спокойствия душе, измученной этими образами – снами и тенями друзей!

Вот и сегодня они плыли в лодке, звали его, махали руками. Он кинулся за ними, коснулся бортика, Пушкин протянул ему руку, он уцепился за нее и проснулся. Тяжело проснулся, трудно.. К полудню сон стерся, не был уже так предметен и ярок, но мучился поэт тем, что не мог забыть ощущения, нахлынувшего на него: ощущения покоя и счастья, блаженства и безмятежности... Того самого, что искал он в далеком детстве, на берегу заросшего тиной лицейского пруда, в холодно – колючей его воде. И, наконец, отыскал – во сне, сегодня утром...

²¹ Брат Вильгельма Карловича, тоже декабрист, участвовавший в восстании, но не бывший членом «Северного общества» – автор.

Наверное, также безмятежны были Боги на Олимпе, а вместе с ними – Поэты, слагающие гимны о Богах... Он выдохнул глубоко несколько раз и проваливаясь в блаженно – прохладное забытие опять ощутил нежно – тугую, спокойную гладь воды, с зеленоватыми проблесками над головой...

А вот и лодка. Не надо ее более догонять! Она причалила к берегу. Они все вместе теперь: друзья – Поэты! Он доплыл до них 11 августа 1846 года.

* После смерти В. К. Кюхельбеккера у его вдовы, Дросиды Ивановны Кюхельбеккер – Артемовой остался сундук с рукописями мужа, который она привезла в Петербург, к его друзьям. Уже в двадцатые годы двадцатого века рукописи и дневники из этого сундука оказались в руках замечательного писателя Юрия Николаевича Тынянова, и послужили основой для его знаменитейшего романа «Кюхля» и ряда серьезных статей о Кюхельбеккере – Поэте, Гражданине, Человеке и друге А. С. Пушкина.

Литературное наследие Вильгельма Кюхельбеккера до сих пор полностью не изучено и издано лишь в отрывках.

Новеллы из цикла «Царский альбом»

**Александра Николаевна
Романова. «Соловей гатчинских рощ»**

12.24..06.1825 г. Царское село – 29.07.\10.08. 1844 г. Там же.

К. Робинсон. Портрет Великой княгини Александры Николаевны. Источник иллюстрации И. Б. Чижова «Чистейшей прелести чистейший образец» М. Изд-во

От автора

Я впервые пишу такую историю знатной по происхождению рода артистки. Артистки уникальной до гениальности. Но не принадлежащей к этому

«сословию» по праву рождения. Артистки из царствующего дома Романовых. Музыкальное ее дарование было столь велико, что повергало в изумление опытных и профессиональных певцов италийской школы и музыкантов венских. Но она пела лишь в камерных гостиных Эрмитажа, на изысканно – маленькой сцене придворного театра, в будуарах и залах Зимнего и Александрии²²

Те же, кто слышал в ее исполнении арии из опер Моцарта и Доницетти, хоралы Дмитрия Бортнянского и Перголеззи, с трепетом сердечным думали о том, что так, вероятно, поют в горней выси ангелы Господни: чистота и высота звуков, исторгаемых нежным, поистине «золотым», горлом великой княжны Александры Николаевны была просто непередаваема. Она то переходила в волнуемый бархат самых низких нот, ласкающий до дрожи, то вновь взмывала вверх невинною трелью жаворонка или переливчатым звоном струй высокогорного ручья.. Казалось, что сам солнечный луч замирал в своем вечном танце услышав сие волшебство.

В Даре голоса ее было нечто, трепетное, теплое, ошеломляющее, волнуемое, то самое, что заставляло седовласых профессоров вокала из Рима и Берлина, качать головами и утирать повлажневшие глаза: «Это невероятно! В горле у маленькой русской принцессы живет соловей из эдемского сада, а из рук ее музыка течет, словно струи родника». Кстати, на всех портретах Александры Николаевны обращает на себя внимание именно эта необыкновенная «музыкальная посадка», «постановка» ее рук, скрытая певучесть жеста и невинная, девическая гармоничность души, которую изысканные придворные портретисты (Кристина Робертсон, Дж. Доу) пытались выразить присутствием в картинах и портретах светло – голубого или золотистого колорита, обязательно осеняя тонкие пальцы царственной певицы цветком или бутоном розы. Розы всегда были ее маленькой слабостью.

²² (Личная усадьба императрицы Александры Феодоровны, жены Николая Первого, матери В. К. Александры. – автор.

Императрица Александра Феодоровна с детьми, Александрой и Николаем. Рисунок М. Зичи. Источник иллюстрации И. Б. Чижова «Чистейшей прелести чистейший образец» М. Изд – во.» Мильгард». Санкт – Петербург. 2011 год. Цветная вклейка. Личное собрание автора.

Да, щедрые Небеса даровали ей многое из того, чего жаждет при рождении любая душа человеческая: необыкновенность внешности, которую многие сравнивали с ангельской, мягкость характера, чистоту помыслов, широкую художественную одаренность натуры, громадный талант, повергающий окружающих в восторг. Если же к этому еще прибавить желанность существования ее в лоне семьи, желанность, которую она каждодневно ощущала от родителей, сестер и братьев, то..

Чего бы ей можно было хотеть еще? Разве что – лишь долгой жизни рядом с любимым человеком, в окружении любящих детей, внуков, правнуков. Но спокойствия своего заката она не извела. Небеса, даруя ей все, что перечислено выше, взамен попросили слишком многое: Длительность Жизни. Царственной служительнице Муз было суждено встретить радост-

ною улыбкой только лишь зарю своего бытия. Александра Николаевна Романова, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня и Ландграфиня Гессен – Кассельская прожила на свете всего девятнадцать неполных лет и умерла в самый день появления на свет своего первенца – сына, маленького принца Вильгельма.

1.

Покидая этот мир светлым, солнечным утром, она страдала невыразимо, но голос ее, полный смертной муки, еще пытался произнести слова утешения для близких, толпящихся растерянню у ее смятой горячкою постели: братьев, отца, юноши – мужа, сестер и матери.

Голос, глубина и ширь которого прежде могла достигнуть трех полных октав, звучал теперь до неузнаваемости тихо и часто прерывался горловым, надсадным кашлем, окрашивающим тонкий батист и шелк платков алыми или темно – багровыми пятнами крови. Но она все еще силилась проникнуть в прозрачность верхних нот Моцартовского «Дон Джованни» – хотя бы: в первые три – четыре.....

Сквозь поток слез, застрявших в горле горьким комом, ей пыталась подпеть Marie, а вместе с нею – Олли, любимая сдержанная, чуть холодноватая Олли, подарившая ей не только скрытую нежность сестринского сердца, но и часть своей собственной судьбы.....

2.

Ландграф Карл – Фридрих Кассельский, приехавший свататься к ней, Олли, и, увидевший в прохладных галереях Арсенала Гатчинского дворца, рядом с нею, черноволосую, синеглазую, подвижную, как солнечный луч Адина – любимицу семьи и грозного исполина – отца: русского Государя Николая Первого Павловича —

влюбился в последнюю мгновенно. Окончательно, ошеломляюще, бесповоротно, словно в голову ему ударило старое «шаторе», подаваемое изредка к обеду царственной семье и гостям за длинным дубовым столом Арсенального зала.

Отпрыск старого ландграфа Вильгельма Гессен – Кассельского влюбился безнадежно, ибо думал сперва, что родители Княжны Александры, настроенные на замужество старшей дочери, найдут его неожиданному желанию ряд возражений. А они лишь растерялись. Княжна же Ольга Николаевна, видя нешуточность пыла чувств немецкого владетельного наследника и ответную приязнь сестры; любуясь на ее румяные щеки, бархатистую тень ресниц то и дело опускающуюся на глаза; слыша, как серебряным колокольчиком взмывает вверх ее смех, эхом отдаваясь в гулком полумраке галерей, отступила в сторону..... Тихо, мудро, тактично. Она сопровождала влюбленных на прогулках и катаниях на лодках по прудам Гатчины, которых там было великое множество. Пруды скрывались в густой листве и, когда неожиданно открывалась взорам зеркальная ширь и гладь воды, то – дух захватывало....

3.

Адина обрывала свой обычный веселый щебет, и сердца сопровождавших ее замирали уже от каватины из Доницеттиевской «Лючии де Ламермур»..

Нежные трели голоса девушки, словно скользили по воде, тонули в ней, ласкали ее. Это лишь героиня оперы грустила у озера, поверяя ему свою печаль и мечты, а Фридриху все казалось, что Адина, чудная Александра, поет о себе...

Он обращался с трепетным, немим вопросом к Олли, несостоявшейся невесте. И та, как верная наперсница, смеясь, уверяла встревоженного будущего зятя, что никаких горестей сердце Адина, пока не знает, оно чисто и свежо, единственное, пожалуй, чего она боится в жизни, так это чем-нибудь ненароком обидеть Отца или огорчить МамА. Ну, да, еще – грозы! Но от нее они удачно прячутся в своем домике для кукол, построенном по специальному заказу Папа в Париже. Правда, они уже выросли, и очень боятся переломать в кукольной гостиной изящную мебель и посуду каким-нибудь неосторожным движением. Жених удивленно – непонимающе поднимал брови кверху, и хохочущие сестры под руки вели его на галерею Арсе-

нала, где в одном из укромных уголков стояло изящное сооружение.... Любоваться там было на что: крохотные креслица и столики, посверкивали в свете тонких, кованных из серебра шандалов и канделябров позолотою, а те в ответ – отливали матовым блеском на глянцевых боках севрских кофейных чашечек с «романовским» вензелем по краю. Вильгельм полюбопытствовал было, почему крыша в домике снята, но сестры объяснили, что так ведь удобнее светильники гасить, не будут же они гореть, когда фарфоровые обитательницы дворца – куклы – уступают место шелкам и туфелькам взрослых озорниц. Не ровен час, юбкою заденешь, пожар случится, а ПапА после огненной гибели Зимнего 17 декабря 1837 года,²³ о чем Адини и Олли только по рассказам нянюшек помнят, ужас, как строг стал насчет свечей и, вообще, огня ночного! Ведь пожар, уничтоживший Зимний до самого основания, случился оттого, что в Аптеке Дворцовой кто – то из зябнувшей прислуги додумался, ненароком, заткнуть отверстие рядом с дымовой трубой куском рогожи. От попавшей на нее искры из печи, рогожа начала тлеть, потом загорелась. Огонь пробрался в не заделанную отдушину Фельдмаршальского зала, отделенную от капитальной стены деревянной перегородкой. Дерево тотчас занялось, а когда солдаты караула заметили огонь, было уже слишком поздно!

4.

Василий Андреевич Жуковский, их общий с Цесаревичем – братом наставник, позднее рассказывал Адини, что «злой дух огня» уничтожил буквально все сокровища покоев Императрицы, не удалось сохранить ни одной безделушки, даже и той семейной реликвии, которой особо дорожил Император: статуи Государины, отлитой из мрамора немецким художником Г. Раухом»... Но зато, как все гордились тем, что удалось спасти из знаменитой Военной галереи Карла Росси и Джорджа Доу все триста тридцать два портрета генералов, участников битв с Буонопарте, и все полковые и гвардейские знамена!

И как же все в столице радовались, что уцелели полотна в знаменитом Эрмитаже: отважные солдаты и пожарные с Божией помощью разобрали галерею, соединяющую Зимний с Музеем, выложив на пути бушующего пламени глухую кирпичную стену...

5.

И блистательная Концертная Зала, увы, тоже сгорела дотла, но уже через полтора года юная Адини дала первый концерт в Новой, восстановленной с прежней роскошью.. Она рассказывала Карлу – Фридриху, что тогда голос ее неумолимо дрожал от слез восторга и восхищения восстановленную красотой, но почти никто не заметил этого, ибо верхнее ее «до» взлетало к тонким хрустальным подвескам люстр и те – звенели в такт, переливаясь тысячью маленьких, спящих радуг..

МамА говорила Адини после, что более всех юной певице рукоплескали три человека: ПапА, и приглашенные им в концерт*²⁴ архитекторы: Владимир Стасов и Александр Брюллов, брат знаменитого «гения кисти» – Карла Павловича. Именно эти два Творца сумели до мельчайших деталей прочувствовать почерк гениального Бартоломео Расстрелли...

И воссоздать его вновь. Карл – Фридрих, разумеется, жаждал послушать голос Любимой в возрожденной зале, но...

В Гатчине они чувствовали себя защищенными от нескромных взглядов праздной толпы, от ее пересудов и излишних восторгов. Молодые влюбленные не спешили в столицу, в прохладную парадность Зимнего. Им было спокойнее в тишине укромных уголков гатчинских парков и аллей. Адини, сбегая по парадной лестнице парка, пересчитывая ножками в замшевых туфельках ступени, слегка запыхавшись, доверчиво шептала Фридриху о своих детских играх, что так часто выдумывала для нее Олли, и о пристрастиях, о книгах, что читала, таясь от строгой гувернантки по ночам....

²³ дата стар. стиля – автор.

²⁴ Старинная форма произношения. автор.

Книг любимых у Адени было великое множество! К примеру, все баллады Жуковского, но особо нравился ей роман Жоржа Занда об актрисе и певице Консуэло, ученице знаменитого Никола Парпорра, чьи кантаты и упражнения для бельканто она и сама с восторгом часто и упорно разучивала.. Все, все в романе казалось ей пылкой, невыдуманною правдой; и она горячо отстаивала в глазах слегка насмешливого, но, впрочем, неизменно корректного, жениха высокую преданность Консуэло своему искусству, ибо и сама ощущала в полной мере все то, о чем писал в очаровательно – свободной, искусно – небрежной, энергической манере господин Занд о волшебной власти музыки! Ни Мама, ни кто либо из домашних не разделял пристрастия Адени к роману о певице – босоножке. Папа же и вовсе не терпел в своем присутствии разговорах о вольностях дерзких французов!

6.

С нетерпением ожидая каждый номер «Ревю Эндепендант»^{*25} Адени каждый раз буквально выхватывала газету из рук придворного библиотекаря, и удивительно, как не сминали комом ее тонкие, порывистые пальцы чуть желтоватую бумагу, загадочно пахнущую карамелью, рисовую пудрой и чем то еще, далеким, парижским... Ветром с Сены?

Адени, с детской почти восторженностью, расспрашивала Фридриха о его пребывании в Париже, о том, видел ли он сам легендарного господина Занда? Но жених в ответ лишь растерянно разводил руками, в Париже то он бывал, но вот писателя, писательницу то есть, увидеть на этот раз ему не довелось, ибо тот, то есть та.. – на этом месте милый ее Фридрих слегка краснел и заикался от конфузливой путаницы, – после путешествия с господином Мюссе по Венеции, заперлась почти безвыездно в Ноане, родовой усадьбе, и, по слухам, пишет новый роман о любви. Красив ли господин... госпожа Занд? О, несомненно, но ее смугловатые, немного резкие черты лица не несут в себе той пленительной нежности, что он видит в лице милой Адени, хотя они чем то похожи. Живостью взора, быть может? Но у знаменитой романистки глаза карие, почти черные, и такие же блестящие, как смоль, кудри до плеч. Она прячет их под шляпу, остричь не осмелилась, благодарение Богу!

Говорят, великолепно сидит в седле и часто шокирует светское общество своим появлением в мужеском костюме: редингот,²⁶ сюртук, панталоны, блуза, галстук.. Правда, она вызывает его с небрежностью банта, и опытный глаз сразу отличает изысканность ее истинно женских манер и за этой маскаредной²⁷ странностью, но все же!

Вильгельм разводил руками и сокрушенно качал головою: милая его невеста вправе иметь свое мнение, особое от его, но шелест шелка и газовый шарф, пропитанный ароматом гардении, более привычен, приятен его глазам и обонянию, всем его шести чувствам.....

И он жадно принимал губами к маленькой руке невесты, краем глаза замечая, как идет ей румянец. Ежели бы в нем, румянце не было еще этого странного огневого жара! Волнения противупоказаны ей!! – спешно вспоминал герцог Фридрих наставления придворных врачей, и старался изящно перевести разговор на другую тему, более спокойную: цветы, в изобилии полнившие оранжереи Гатчины, даже и в самое холодное время года.

7.

Адени любит гардению? Нет? Жасмин? Но – почему? Слишком резок запах? Пожалуй, она опять права..... Ей нравятся ландыши, камелия и сирень? Нежные цветы. Как она сама. Ландыши, сколько он слышал, любила и ее легендарная «Анмама»²⁸ – королева Луиза Прус-

²⁵ Именно там печатались с февраля 1842 года главы романа «Консуэло» – автор.

²⁶ Длинное пальто – сюртук, по английской моде тех лет. Автор.

²⁷ Старинная форма произношения слов приведена автором для создания подлинной атмосферы в тексте.

²⁸ Бабушка – франц. автор.

ская? Та, которая покорила и самого Буонапарте..Он даже объявил себя ее Рыцарем, так гласит легенда прусской королевской семьи. Но какой странный рыцарь, однако! – сокрушенно качала головой девушка. Вместе с ее благословенным Дядюшкой, Императором Российским, Александром Первым, в честь которого она и получила свое имя, Буонапарте жарко клялся в присутствии прелестной Дамы – королевы Луизы на могиле ее предка, Фридриха Великого, в верности идеалам мира и чести, а чем это все закончилось?! Походом в польские земли и пожаром Москвы, войною, принесшей России много бед.. МамаА рассказывала им позднее, что покойная Государыня Елисавета Алексеевна, Августейшая ее тетушка, заливалась слезами, получая письма Венценосца – супруга с театра военных действий. Тысячи убитых и раненых, разоренные деревни и усадьбы, униженные и ограбленные поселяне. Сердце Государыни разрывалось от боли, когда она читала эти письма в семейном кругу: анмама Марии и «тетушке Мишель», Великой княгине Елене Павловне, – никак не могла мириться с тем, что всегда галантные и обходительные в ее представлении французы, могли быть такими варварами!

Да – да, Адини знает, что Буонапарте, напротив, считал варварами россов, воевавших противу ружей и мортир с дубинами и рогатинами, и сжегшими своеручно свою любимую, древнюю красу: Москву – матушку. Но!...

В одном из черновых писем покойной Августейшей тетушки к матери своей – герцогине Баденской Амалии, (что Адини, играя, нашла как то в старинном бюро), были, к примеру, и строки о том, что после Смоленского сражения, разбитые на голову солдаты полубезумного «корсиканского капрала» дошли до дела и вовсе богопротивного: ели не только мясо падали лесной, но и трупы своих сотоварищей! Это ли не безумное варварство?!!

От волнения Адини глухо, напряженно закашляла, резко прижала платок к устам. И тут Карл – Фридрих впервые увидел, как белый комочек с монограммой «А.Р.» в углу, в мгновение ока стал алым.....

Что напугало его более всего: ужасы ее рассказа или залитый кровью, обшитый тонким кружевом платок, она так и не поняла. Все вместе, пожалуй!

Он взял у нее из рук изящный кусочек батиста, и хотел было положить его в карман жилета, а взамен дать ей свой, но Адини испуганно прошептала, что подмену легко может заметить чуть отставшая от них в прогулке Олли, сказать ПапаА и МамаА, напугать всех родных, а, должно быть, ничего страшного и не произошло вовсе, просто она в волнении перенапрягла горло, которое ей надо беречь особо. Лучше уж испачканный платок кинуть в пруд, обвязав им гальку на Карповом пруду, – тут Адини слабо улыбнулась, на бледном лице засияли темно – синие провалы ее глаз, и растерянный Фридрих никак не смог отказать своей милой нареченной в этой, немного странной, трагической шалости.

Взявшись за руки, как беспечные дети, они, почти бегом, вернулись к изящному своду Карпова моста, и едва маленький комок из рук жениха легко переместился в воду, вызвав тихий всплеск и распугав стрекоз, замерших над полуденною гладью в чутком полусне; как к ним подошла Олли и, напустив на себя важный и строгий вид гувернантки, принялась отчитывать Адини: можно ли так бегать Цесаревне русской и будущей Ландграфине?! Она за ними едва поспевала, и потеряла в аллеях. И потом, сестра напрочь нарушила все запреты докторов – столько быть на прогулке, стоять на сыром мосту! Куда же смотрит Карл – Фридрих?! Нет, нет им обоим уже давно пора обрести серьезность²⁹, иначе, и милая Адини, и он, будущий герцог Гессен – Кассельский, станут похожи вон на тех стрекоз, что и в сонный полдень покоя не ведают, все танцуют!

8.

²⁹ Форма произношения в XIX веке. автор.

Обратно в густые, прохладные аллеи близ дворца Адени возвращалась на руках будущего супруга: идти по бессчетным парковым лестницам от внезапной усталости она почти не могла.

Но вечером уже снова пела и играла Бетховена и Листа, не внимая тихим мольбам жениха хоть немного побережь горло, силы! В полную силу звучало ее серебристое сопрано, ее «до» в романсах Дюрона, а потом, когда к ней присоединилась любимая фрейлина МамА, Ольга Барятинская, стало, напротив, низким и бархатистым: они с Ольгой тихо исполняли маленькую вечернюю литургию и теперь Адени невольно подражала голосу духовника, протопресвитера, отца Василия Бажанова, что так чудно и раскатисто пел в расписном зале Гатчинской церкви с ее лазурным куполом и потолками.. Вот и слезы блеснули на глазах строгого и сдержанного Папа, он, противу обыкновения, расстегнул шитый золотом мундир и, сидя чуть поодаль ото всех, в глубине сводчатого зала, у окна, убранного роскошною алою драпировкою, вполголоса подпевал маленькому дуэту. Хрупкий силуэт МамА, напротив, почти тонул в теплом кремовом шелку мягкого кресла с высокою спинкою, но и оттуда Адени чувствовала шедшее незримо ласковое тепло: вмешиваться же в нежную гармонию девичьих голосов теплое контральто МамА никак не решалось: силы бы явно не достало!

Адени заметила по птичьи быстрый, встревоженный взгляд матери в сторону придворного врача, мирно дремавшего на мягкой банкетке в самой середине залы, и поняла, что тревога сия вызвана только ею, ибо сердце чуткое обмануть нельзя: МамА что – то почувствовала еще с того самого момента, как они с Фридрихом возвратились с прогулки, и настояла на послеобеденном отдыхе для всех, сославшись на крайнюю утомительность летнего солнца. В Коттедж, в Александрию, к Маркизовой луже,*³⁰как ожидалось, не поехали вовсе, только Папа отправился в город, в Зимний дворец, на встречу с сановниками, но к вечеру уже воротился... Впрочем, Адени и не заметила, как наступил вечер, ибо прервала свой короткий отдых живою мыслью о том, что многое еще не рассказала и не показала Фридриху: ни своей любимой беседки, ни розового газона, что так любовно оберегала и холила ее покойная бабушка – императрица Мария Феодоровна. Он виден как раз из окна столовой. Фридрих и в Зимнем дворце многого еще толком не знал.

По возвращении в город ему непременно надо показать красный кабинет МамА, подобие домашнего алтаря, где стоял мраморный бюст бабушки, королевы Луизы, увитый венками роз. Эта комната напоминала Мама о юности и полна была удивительных вещей: картин, статуэток, портретов предков резных шкатулок и безделушек, бутоньерок и вазонов с цветами; альбомов с чудесными литографиями, книг, написанных старинным готическим шрифтом, в том числе ее любимую «Анну Росс» – рассказ о верующей маленькой девочке умершей от болезни, как раз в самое Рождество! Сколько слез она пролила над этою книгою вместе с Олли и Мэри! Там же, в этой комнате, Адени часто молилась об исполнении своих заветных детских желаний, со всем пылом юной души, принимающей волшебство старинных слов старославянской молитвы за непреложность истинной яви.

В раннем детстве страницы любимых книг казались Адени изрисованными тонким, замысловатым узором. Она все пыталась отыскать то крыло птицы, то облако, то лепесток цветка в этих буквах..... Став старше, нашла в них уже другое очарование – аромат старинных, «отменно – длинных» легенд об ундинах и рыцарях. Мэри и Олли немного посмеивались над нею, считая сестру маленькою чудачкой, а она в ответ лишь светло улыбалась им..... И словно проскальзывал в сводчатые комнаты с высокими потолками нежный солнечный луч.

³⁰ *Так в девятнадцатое столетие называли Финский залив. – автор.

9.

«Солнечным лучом» Адини называли все, даже ее неугомонный брат, озорник и шалун Константин, до безумия обожавший три вещи на свете: корабли, море и музыку. Когда Адини играла на фортепиано, он сидел, сжавшись комочком на софе, и, полузакрыв от удовольствия глаза, словно впитывая в себя нежно или страстно – волнующе звучащие ноты. Он иногда признавался Адини, что они похожи на его любимое море, волны музыки – столь же глубока и неизведанна их власть над его умом. Слушая пение сестрицы он уносился душою куда то в неведомые дали, где жили розовые птицы, пушистые облака, диковинные цветы. Он пытался рассказать о том и МамА. Она лукаво посмеивалась, называла Кост`и (*Домашнее имя Великого князя К. Н. Романова, знаменитого поэта «К. Р.») мечтателем – фантазером и советовала рассказать о грезах Олли: вдруг у той получится нарисовать картину о дальних путешествиях будущего моряка? Но Олли все больше марала кистью по бумаге и холсту, изображая гатчинские аллеи и пруды, петергофские фонтаны, комнаты коттеджа в Александрии, увитые плющом, и качели в саду. Райские птицы из мечтаний Кост`и как – то не удавались ей. Вернее, они более всего были похожи на соловьев из пышных гатчинских рощ и аллей, этих маленьких хрупких птах, почти неприметных в густоте зелени. Адини чем – то напоминала брату соловушек, особенно когда очаровывала гатчинские вечера пением.

10.

Но дивное густо – переливчатое, словно ограненное хрусталем, сопрано звучало все реже и реже. А доктора все суровее качали головами, слыша хрипловатое покашливание девушки прохладными вечерами. Пугливые врачеватели все порывались запретить ей петь и хором отсылали изгонять коварную слабость и хворь к теплым баденским и итальяйским водам, в далекий Неаполь, солнечную Ниццу.... Но мечтам о полном выздоровлении мешал строгий дворцовый протокол. Близился день бракосочетания русской Великой княжны – Цесаревны Александры Николаевны с герцогом Карлом – Фридрихом Кассельским и пускаться в путешествия никак нельзя было. Нельзя было ей и уехать на новую родину. Дожливый климат земли Гессен – Кассельской пугал щепетильных докторов гораздо более, чем длинные петербургские зимы. И тогда на строгом семейном совете во главе с ПапА решено было, что Адини и Карл – Фридрих сколь возможно долее останутся в Петербурге после церемониала венчания, а ближе к весне непременно постараются выехать в Италию или к целебным ключам Бадена.

Почти все оставшееся до пышного торжества время – 28 января 1844 года – Адини не покидала своих комнат в Царском, Гатчине и Зимнем.

Карл – Фридрих навещал певунью – затворницу по утрам, с неизменной улыбкою и букетом свежих, еще не распустившихся примул или гортензий в руках.... Иногда среди них нежно сверкала росой камелия или благоухала изящная фиалка.... И тогда уже Адини знала точно: к букету Фридриха приложила руку ее милая, любящая Олли. И чувство нежной благодарности, тоски и невысказанной любви к сестре, вызывало невольные слезы на ее глазах. Она прятала их, эти слезы, спешно проглатывала ком в горле, и пыталась трогательно развеселить милого нареченного, (неизменно грустневшего при виде ее лихорадочного румянца или жаркой испарины на лбу!) подробнейшими рассказами о детских шалостях, таких, например, о которых не знала даже и милая, любимая, всеведущая МамА!

Бюст А. Н. Романовой герцогини Гессен – Кассельской, работы Витали. Установлен в часовне св. мученицы Александры в нижнем парке Петергофа. Источник иллюстрации: Альбина Данилова «Пять принцесс. Дочери Павла Первого. М. Изд-во «Захаров». 2003 год стр.419. Личное собрание автора.

Она заставляла, заставляла его смеяться, – сначала через силу, а потом – и в полный голос! – своим увлекательным историям из детства. К примеру – рассказу о танце с шелковыми подушками, которым была так шокирована их верная воспитательница и учительница русского Анна Алексеевна, всегда пылавшая желанием представить юным великим княжнам свою маленькую дочь. В день назначенного приема элегантная придворная дама ожидала увидеть в дворцовой зале строго – благовоспитанных девиц – цесаревен с Екатерининскими лентами на платьях из розовой парчи, с маленькими шлейфами – тренами, но взору ее предстало..... нечто невообразимое! Мэри, Олли и Адини, а *trios** (*втроем – франц. – Р.), одевшись в длинные шелковые халаты, расшитые цветами, и водрузив на голову подушки, перевязанные лентами, кружились в странном восточном танце. К тому же на головы чинных и слегка оробевших гостей еще и неведомо откуда свалилась целая гора цветных бархатных подушечек. Тут уж милая Анна Алексеевна, отбросив всяческую свою придворную сдержанность, заахала, сморщилась, замахала руками, будто гусыня – крыльями! Но маленькие перышки – озорницы продолжали исполнять свой странный танец, важно покачивая квадратными головами, будто китайские болванчики, явно выказывая свою полную непричастность к падающему «дождю из думочек», усеявших скользкий, воцеленный паркет залы.

11.

...Закончив «восточный менуэт», юные красавицы – цесаревны сорвали подушечки – думки со своих прелестных головок и уселись на них, жестом пригласив последовать их примеру и оробевшую от всего увиденного маленькую гостью. Они звонко смеялись и угощали малышку сладостями, наперебой рассказывая, как долго и тщательно обдумывали втайне от всех свою шалость.

Анна же Алексеевна все продолжала ахать, изумленная игрою их воображения и энергией, направленной, как ей казалось, в совершенно напрасное русло! Строгая и преданная их гувернантка очень долго была огорчена сим происшествием, но так не решилась рассказать о нем Мама, очень трепетно относившейся ко всем светским церемониям и условностям протокола....

12.

Условности дворцового протокола.... Как часто они мешали Адини быть по – детски, полно счастливою! С какою непосредственностью, с каким пылким, живым огорчением рассказывала она Карлу – Фридриху о балах, на которых столь часто блистали ее Царственные родители, и с которых ей надобно было до пятнадцати лет уходить строго после девяти вечера! Она всегда так сетовала в отрочестве на то, что не может просто взять и – остаться на позднюю мазурку, этот пленительный, волшебный танец, похожий на долгую песню, с замысловатыми вокализациями и пассажами, рулладами и кодами, песню – романс, песню – признание...

МамА, ее восхитительная, ее обворожительная МамА, словно волшебное видение Лала – Рукк*³¹ царившая на всех праздниках Зимнего, почти всегда танцует мазурку и вальс – лансье с самыми красивыми кавалергардами своих полков! Странно, их, ее пажей, почему – то называют так смешно: «красными» или – «синими», словно Сашиных оловянных солдатиков... Кавалергарды пылко обожают своего Шефа, жаль только что МамА по вечному нездоровью своему, все реже бывает на их праздниках и парадах. Адини не так везло на балах, как МамА, она могла с позволения строгого Папа танцевать полонез и кадрили, как и ее сестры, только с генералами или флигель – адъютантами. Генералы все были отменно стары и неуклюжи, а адъютанты – робели и смущались и наступали на ее платье. Небольшое, надо сказать, удовольствие – танцевать со столь неловкими кавалерами! Слава Богу, теперь ее партнером на балах всегда будет только ее милый Фредди, какое же это счастье, право! Счастливый жених при этих словах Адини смущался и приятно краснел, а она смотрела на него с тихой, теплою улыбкою, от которой снова появлялись милые, манящие ямочки на ее щеках, уже тронутых болезненной худобою....

13.

...На том настоящем своем, полном, январском свадебном, взрослом балу, в вечер после венчания, Адини была столь обворожительна, столь оживлена и мила, что все вокруг, казалось, забыли о предостережениях докторов... За высокими окнами сверкавших огнями парадных зал гулко звенели соборные и церковные колокола, блистали огни фейерверка: город радостно праздновал в белом серебре роскошной русской зимы браковенчание певуны – Цесаревны и гессенского Герцога, и кое – кто из придворных уже сокрушенно качал головою: улетит, улетит скоро русский соловушка в земли чужие, и где – то будет звенеть голос его, прозрачный, как ручей, как горный хрусталь – в какой выси, в каких даях? Никто и не думал, что – в Небесных..

...Все строили планы на будущее, надеялись отчаянно видеть Адини вполне здоровою, ибо вскоре после свадьбы она почувствовала себя в ожидании наследника, и седовласый доктор, старый Вилие*, лейб – медик еще покойного дядюшки – кесаря Александра Павловича,

³¹ (*Романтическое прозвище Императрицы Александры Феодоровны по имени героини баллады Томаса Мура, переведенной В. А. Жуковским —автор)

робко осмелился высказать венценосным родителям надежду, что сие новое состояние Великой княгини Александры Николаевны изменит течение ее роковой болезни в лучшую сторону.

Таково ведь и древнее поверье русское: будущая мать в ожидании чада, часто расцветает столь неожиданно, что только диву даешься! Да, да и все хвори без следа тают, ибо Господь Всемогуший – милостив и дает новые силы. ... Кроветворение ведь в организме меняется в этот миг!

14.

Строгий же, молчаливый и щепетильный нынешний врачеватель Государя Николая Павловича Мандт, в ответ на сладкоречивые, тихие тирады Вилиё лишь упорно качал головою, и за дверью покоев Адини умолял, обретших было луч надежды родных не обольщаться прежде времени, а самое главное, не разрешать новоявленной Ландграфине Гессен – Кассельской петь! Любое напряжение губительно для нее, особенно – в ее деликатном положении! Золотое горло должно молчать! И оно молчало. ...

Адини заботливо кутали в шали и пелерины, отпаивали теплым медовым молоком с имбирем и виш`Инскою подогретою минеральною водою. По субботам ее непременно везли в душном, натопленном до непереносимого жара, возке с не открывающимися окнами в Гатчину, где мужчины всей большой Романовской семьи от мала до велика развлекались охотою в Гатчинском парке на тетеревов и гоном оленей, несколько манкируя всеми остальными своими занятиями; ну, а женщины днями и вечерами корпели над более изнеженным, привычным для их тонких рук занятием: шили приданное для ожидаемого в семье очередного царскородного младенца. Но изысканные узоры ришелье и просветы алансонских кружев уже не подчинялись исхудалым пальцам Адини. Она роняла из рук иглу и пяльцы, все как – то зябла, просила подкинуть дров в камин, и то и дело прижимала к бледным губам платок. Он моментально пропитывался кровью. Во время приступов лихорадочного кашля, она чувствовала резкие или, напротив, замедленные, словно растерянные, толчки ребенка, и даже самые слабые, они причиняли ей невыносимую боль. Закусив губы, она морщила бледное в холодной испарине чело и беспомощно, умоляюще смотрела на МамА, Олли, Мэри или верную Анну Алексеевну, тотчас подступавших к ней с вопросами и уговорами лечь в постель. ...

15.

Постель. Болезный одр... Иногда Адини лежала в ней дни напролет, пытаясь в полумраке спущенных гардин разглядеть слабый солнечный луч или услышать пение снегиря или синицы.. У нее же самой все слабее выходил птичий посвист: силы убывали, да и боялась, что услышит сии потуги встревоженная МамА, почти не выходившая в такие дни от нее, и ночевавшая в соседнем будуаре, на кушетке. ПапА заходил каждый вечер или утро, навещая ее, нарочито бодрым голосом рассказывал свои новости: шуточные перепалки с министрами; казусы на военном плацу; анекдоты аудиенций или – новости последнего бала, который он открывал с госпожою Фикельмонт, как женою дуайена*³²

³² *Старшины дипломатического корпуса – автор..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.